

8'98

ДРУЖБА НАРОДОВ

Мариам ЮЗЕФОВСКАЯ. Октябрина. Повесть.

Лев НАВРОЗОВ. Миф XX столетия: «нации» и «расы»
в современном мире

Владимир МЕДВЕДЕВ. Басмачи — обреченное воинство

Как жили в Риге в старину
Составление и публикация Ю. И. Абызова.

Владимир
Медведев

Расследование
98

Басмачи — обреченное воинство

Документальное повествование

Рассказ этот, поразивший мое воображение, я услышал в горном таджикском селении Рог, в Старой Матче, от Гафора Курбанова, которому тогда, осенью 1990-го, исполнилось восемьдесят четыре года. События, о которых он вспоминал, происходили не так уж давно — лет семьдесят назад.

«...Прибыли курбаши. Было их двое. Распределили своих солдат по кишлакам Рог и Поддарак на ночлег. А сами взяли несколько джигитов и направились на поклон к ишану, святому старцу Хасты Ходжа...»

(Гафору не приходится в голову объяснять, кто такой Хасты Ходжа, ибо и сам ишан, и ныне живущий его потомок знамениты не только в округе, но и далеко за пределами Матчи. В их семье передается по наследству дар предсказания судьбы. Сюда, в глухой кишлак, как и в былые годы, стекается на зиёрат, паломничество, бесчисленный люд, от крестьян до партийных боссов.)

«Приехали к ишану, поздоровались, он пригласил их войти, выпили чаю, и они спросили:

— Скажите, святой отец, что будет с нами и нашим делом?

Ишан ничего не ответил. Положил их спать. Наутро проснулись, он вывел их во двор, взял в руки пук соломы и подбросил в воздух. Солома разлетелась по ветру. Курбаши, увидев это, испугались, собрали своих людей и бежали».

Чем-то древним веет от этого рассказа, напоминающего притчу. Знаменательно не только предсказание ишана, но и то, что выражено оно не словом, а действием. Взмахом рук, подбросивших в воздух солому, ишан вовлек в людской разговор окружающие стихии. Слово не сам он, а ветер и пространство ответили вопрошавшим: «В чем наша судьба?» Это сакральная традиция отказа от слова. Точно так же поражали мирян своими странными поступками дзенские наставники и русские юродивые.

Не хотелось бы и мне разрушить словесами обаяние этого рассказа. Об одном все же скажу. Пророчество Хасты Ходжи предрекает басмачам неотвратимость поражения. Пусть даже оно придумано позже. Главное то, что о нем рассказывают и в него верят крестьяне из горных селений. Это впервые показало мне, что не все так ясно, как казалось, когда я начал собирать сведения о басмаческом движении.

Сам того не замечая, я поддался инерции. Официальная история утверждала, что басмачество это «острейшая форма классовой борьбы свергнутых эксплуататоров против власти трудового народа». Стало быть... Стало быть, на самом деле все как раз наоборот. Басмачи — народные заступники. Та же схема, но вывернутая наизнанку. Тот же самый образ мысли. Беседа с людьми, роясь в архивах, читая старые и новые книги о басмачестве, я бессознательно, незаметно для самого себя, пытался найти какой-то общий знаменатель, разом, в одной формуле дать четкую и однозначную оценку так называемому басмачеству, не понимая вначале, что оно было не «явлением», а лишь одним аспектом сложного и противоречивого процесса. Это примерно так, как если бы физик пытался определить противодействующую силу, не замечая силу действующую, упругость и форму предмета и т. п.

Постепенно выяснялось, что общего знаменателя нет. Оказалось, что важно другое: мы знаем о том, что происходило в те годы в толще народной жизни, так же мал, как и о том, что происходит в ней сейчас, в наши дни. Известна лишь примитивная схема. «Трудовые дехкане» и «басмачи» остаются в нашем представлении людьми без качеств. Из всего многообразия человеческих мотивов и побуждений мы

по-прежнему оставляем для них — в соответствии с грубым материализмом былых лет — лишь голый экономический интерес, приправленный религиозным фанатизмом. Неудивительно. Мы были вынуждены разглядывать их только с этой стороны.

Кто они были, эти люди?

Я пытаюсь понять их и взглянуть на них с той стороны.

Много дней провел я в горных кишлаках бывшей Восточной Бухары, ныне Таджикистана, беседуя со стариками о былом. В их простых рассказах открывался удивительный яркий мир. Знакомство с ним — ключ к событиям и недавнего прошлого, и настоящего Средней Азии.

Бегство Алим-хана

«В погожий сентябрьский вечер по улицам Каратага с улюлюканьем промчались всадники в высоких лохматых шапках, низко надвинутых на свирепые лица. Они разогнали народ, под страхом смерти запретив людям высовываться из кибиток, — вспоминает человек, который в юности, затаившись на крыше красильни в кишлаке Каратаг, видел прибытие Алим-хана. — Эмир ехал в окружении своих «сарбози», грузный, совсем непохожий ни на таджика, ни на узбека. Он был угрюмым, злым от усталости. Но ярко горели в лучах заходящего солнца драгоценности на его одежде и золотые стремяна скакуна...»

Алим-хан бежал из занятой Красной Армией священной Бухары¹. Он прибыл на окраину своего государства, в Восточную Бухару, не как монарх, осматривающий владения, а как беглец, в поисках убежища. Сбылось предсказание Ахмада Дониша, сделанное за четверть века до «бухарской революции». Он писал в трактате «История мангитской династии»: «Я трижды одно за другим в соответствии с правилами астрологии проверил гороскоп данного момента². И все три раза Марс был расположен напротив Сатурна под воздействием Меркурия в одном сочетании. Такое противорасположение, согласно астрологическим правилам, считается предзнаменованием одного из величайших злополучий (особенно для эмиров и власть имущих). Те, кто останется в живых в будущем, увидят, что все те богатства, которые государство и имущие собрали в государственную казну путем зла и насилия, станут провиантом для неверных и добычей грешников. Правители, в конце концов, оставят свои головы на вифлицах, а эмиры и высокопоставленные также окажутся обездоленными и в вечной нужде».

Обездоленный Алим-хан не мог знать этого предсказания. Цотанное сочинение Дониша написано столь резко и обличительно, что никто не решился бы показать его эмиру. Да и не из того теста делаются правители, чтоб принимать всерьез обличения. Ничто не заставило бы Алим-хана согласиться с тем, что потеря трона — возмездие за несправедное правление. Сам он свое бегство из священной Бухары сравнивал с переселением пророка Мухаммада (да будет он благословенен) из Мекки в Медину.

Он вырвался из кольца, которым для его поимки была окружена Бухара. Большевикам недостаточно было свергнуть правителя, лишить его власти — им нужен был и сам этот человек, носивший титул «эмира правоверных». Зачем?.. Ждала ли его участь «белого царя» — тайный расстрел и полное уничтожение останков? Или же над ним намеревались устроить «всенародный суд», а может, всего лишь хотели, чтобы он «добровольно» подписал отречение от престола и призвал бы подданных подчиниться новой власти. Как бы то ни было, в знаменитой «Директиве войскам фронта об оказании помощи восставшим трудящимся Бухары», подписанной Фрунзе и Куйбышевым, каждой из войсковых групп, участвующих в операции, ставилась особая задача — «захват самого эмира и его правительства», и формула эта повторяется в приказе не раз и не два.

На поиски ускользнувшего эмира были брошены и кавалерия, и авиация. Аэропланы, которые во время штурма столицы бомбили, как выразился один из летчиков, «везде и все, что пахло эмиром», после падения Бухары были переброшены на его поиски. Древние «Фарманы», «Сопвичи», «Ньюпоры» прочесывали с воздуха выжженную солнцем солончаковую степь. У летчиков была своя версия о цели их поисков. Лихие слова звучали в воздухе.

¹ С м. очерк «Нечаянная революция» «Дружба народов» № 1. 1992.

² Трактат написан в последние годы жизни Дониша, между 1895 и 1897 годами.

— Неужели уйдет. гадюка? — вопрошал об эмире с досадой летнаб.

— Да черт с ним, пусть уходит сам, — отвечал пилот. — Нам бы драгоценности отнять.

Несколько лет спустя пилот этот написал воспоминания, в которых привел и саму беседу, и объяснение ее: «Ходили слухи, что эмир увез столько богатства, что его хватило бы на сооружение второй Бухары: невиданной величины бриллианты, золотые пояса с камнями, жемчуг, кораллы, украшения несметной стоимости».

Различные слухи о бухарских сокровищах ходят и по сей день. Но, во-первых, эмир покинул Бухару с небольшим отрядом, а для вывоза казны потребовался бы большой обоз. Во-вторых, не было времени для упаковки и погрузки ценностей — осада была короткой, и уже на третьи сутки Алим-хан вынужден был оставить город. О том же говорят и архивные документы. На следующий день после взятия Бухары был допрошен один из высших сановников, верхний кушбег Осман-бек парвоначи, который показал: «Меня поразило то, что эмиром не взято из казны ни одной тениги. Все деньги остались налицо на нижнем этаже. Драгоценностей так много, что не поддаются учету». Вернее было бы сказать, что их так много, что и растащить все разом невозможно. Тащили, как нетрудно догадаться, очень многие в суматохе боя и в первые минуты после взятия Арка, эмирской цитадели, тащили до тех пор, пока начальство не спохватилось и поставило охрану. Расхищено, однако, столько, что 5 сентября был отдан специальный приказ по поезду командующего войсками Туркестанского фронта:

«По приказанию Командующего фронтом ПРЕДЛАГАЕТСЯ всем должностным лицам и ПРИКАЗЫВАЕТСЯ красноармейцам, находящимся в поезде Комтуркфронт, коими были взяты в пределах бвш. Бухарского ханства как то: серебро, золото и другие ценности НЕМЕДЛЕННО сдать под расписку сотруднику Реввоенсовета Туркфронта тов. ВАСИЛЬЕВУ вагон № 1267.

Комендант поезда ЗАПИСНОЙ».

Поднесли, однако, и Михаилу Васильевичу Фрунзе осмотреть личные вещи эмира — расшитые халаты, изукрашенные драгоценностями седла, саблю, отделанную бирюзой... Осмотрел ценности Михаил Васильевич и предложил:

— Давайте-ка пошлем все это в Иваново-Вознесенск в память об участии ткачей в разгроме эмира...

Как потом делили ткачи сабли и халаты?..

Несколько дней спустя, 10 сентября 1920 года, состоялось заседание Турккомиссии, на котором в числе прочих обсуждался вопрос «О вывозе ценностей из Бухары». Постановили: «Так как Бухревком не возбуждает вопроса относительно слитков золота, серебра и монет, а только запрашивает о натуральных ценностях, то слитки и монеты продолжать вывозить, а натуральные ценности не вывозить за пределы Бухары, собрать их на месте так, чтобы при случае они были вывезены».

Деликатность новоспеченного бухарского правительства понятна. Уместно ли было возбуждать вопрос о золоте перед Советами и Красной Армией, штыками проложившей путь Бухаревкому к власти?.. Позже Файзулла Ходжаев сделал широкий жест — «подарил» вывезенные в Ташкент ценности стране Советов. Можно расценить это как плату за помощь. Дальнейший путь бухарского золота мне неизвестен.

Вывоз ценностей возмущает жителей Бухары и по сей день. Сейчас говорят вслух то, о чем прежде шептались тайком. Пенсионеры, проводящие целые дни в чайхане Лаби-хауз, с пылом рассказывали мне предания городского фольклора. Как отскочило, скажем, колесо у одной из телег в обозе, и с накренившейся повозки сползли в пыль тяжелые золотые кирпичи, показав народу, что за груз скрыт под брезентом.

— Если б не забрали у нас наше золото, разве жили бы мы в таком запустении, как сейчас! — слышал я не раз.

— Богаче всех жили бы...

Конечно, что-то увез с собой и эмир. Трудно сказать, сколько ему удалось взять в дорогу. Тот же летчик Фаусек, выслеживавший Алим-хана с воздуха, бросает вскользь, что семиреченские казаки «отняли» у эмира три арбы с золотом и драгоценностями. Но это, мне кажется, из области домыслов — к Семиречью эмирский отряд даже и не приближался...

Большевики, по-видимому, не сомневались в том, что бежавший правитель попытается найти убежище за границей, вернее всего в Афганистане. Поэтому с особой

бдительностью стерегли пути на юг и переправы через Амударью. Но Алим-хан не собирался сдаваться. Он и не думал о том, чтобы покинуть страну. Он потерял столицу и окрестные бекства, но за горами лежали восточные провинции, и там эмир надеялся собрать силы, чтобы вернуть престол и восстановить в государстве закон и порядок.

События в центре никак не повлияли на уклад жизни в глубине страны. Здесь еще не слышали о том, что произошло в столице. Когда неделю спустя после переворота, 10 сентября, Алим-хан прибыл в Байсун, его появление вызвало немалую растерянность. Байсунский бек, застигнутый врасплох, с большим трудом оказал эмиру достойным прием.

Красная армия гналась за Алим-ханом по пятам. На следующий день она настигла его в Байсуне. Город был взят после непродолжительной перестрелки. Эмира здесь уже не было. Однако преследовать его красноармейцы не сумели по причине «сильной испорченности лошадей от каменистой почвы», как донесла оперативная сводка.

Алим-хан обосновался в центре Гиссарской долины. Вся его средневековая командно-административная система сохранилась в полной исправности и он пустил ее в ход. Собрал в своей резиденции все руководство — областных начальников и влиятельных людей Восточной Бухары Алим-хан призвал их мобилизовать все силы, собрать ополчение и защищать законную власть и порядок в стране.

Готовились к войне с патриархальной простотой, на средневековый лад. Как это было на Дарвазе, в горной области на границе с Афганистаном, рассказывал мне девяностолетний Саидахмад Мирахмадов из кишлака Сангевн: «О событиях 1917 года у нас тут ничего не было известно. Но когда произошла революция, эмир пригласил армию к себе. Из нашего *ка в ма*¹ были приглашены девять человек. Приехали к эмиру. Через окно поздоровались с эмиром. Эмир им сказал:

— Будет война. Вы езжайте домой и снаряжайте ружья. Покупайте лошадей.

Приехали и для устройства этого дела начали готовить уголь и железо. Я был из бедняков. Мы поехали на тот берег и там стали жечь уголь. Я работал в кузне: раздувал меха горна, когда ковали сабли, крутил точило, когда у с т о, мастер, острил клинки. Так было дело».

О вооружении и оружии я еще буду говорить особо. А сейчас обращаю ваше внимание на то, что в Восточной Бухаре скорострельному оружию Красной Армии противостояло старинное, в основном, дедовское и даже прадедовское оружие. Я видел в Пенджикенте в краеведческом музее в витрине «Оружие, отобранное у басмачей» — какие-то невероятно древние пищали, кремневые, а может быть, даже и фитильные (я не смог сквозь стекло разобраться в сложнейшем запальном приспособлении). Да и такие самопалы были у немногих. Винтовки же и карабины имели лишь самые богатые. Позже оружия стало больше, но первые ополченцы были вооружены чем попало. Это во многом объясняет поразительные победы красных конников, когда отряд в тридцать бойцов мог разметать «басмаческую банду» из трехсот человек. Понятно, что прежде всего эмир сделал все возможное, чтобы вооружиться. Он обратился к ближайшим соседям — Афганистану, Персии — с просьбой помочь оружием. Просил он о помощи и далекую Британию, благо ее представитель — английский консул — находился совсем недалеко, в Кашгаре, и через него Алим-хан взывал к королю Георгу V: «Я надеюсь, что в этот трудный час Ваше величество проявит доброту и благосклонность и отправит мне в качестве дружеской поддержки 100.000 фунтов стерлингов в счет государственного долга, 20 тыс. ружей, 30 орудий с боеприпасами и 10 аэропланов с необходимым оснащением». Ответа он не получил и, вынужденный рассчитывать на свои силы, увеличил налоги, чтобы добыть средства на вооружение.

Как ни удивительно, Алим-хан, этот, казалось бы, безвольный и слабый человек, склонный к уступкам и компромиссам, избегающий конфликтов и решительных действий, словно бы переменялся в ответственные минуты своей жизни. Он оказался стойким бойцом. Не забудьте что противостоял ему не просто сильный враг, а противник, пришедший из иной исторической эпохи. Отдадим ему должное — он сумел организовать сопротивление, и уже к ноябрю красные были выбиты из Байсуна, Дербента и Шерабада. Силы эмира — регулярные войска и ополчение — контролировали Восточную Буха

¹ Слово «род» передает лишь приблизительно значение этого термина. *Ка в м* — кровнородственная группа, состоящая из нескольких или даже многих семей, восходящих по преданию к общему предку. Значение такой общины, задруги в жизни и быту таджиков в прошлом было огромным, сохранилось оно и по сей день.

ру. Алим-хан обосновался в Душанбе, откуда и правил подчинявшимися ему владениями и собирався с силами, чтобы вернуть себе всю страну.

Все это донельзя тревожило новую власть в старой столице. Победа «бухарских коммунистов» была неполной и какой-то сомнительной — они завладели лишь частью страны, да и ту эмир мог отнять у них в любую минуту. У новой власти не было ни собственного государственного аппарата, за исключением столичных министерств, ни собственной армии. Единственное, на что мог надеяться Файзулла Ходжаев и его соратники, — иностранная военная помощь. Сразу же после переворота они попросили Красную Армию не покидать Бухару. Оставаться наедине с собственным народом было не только страшно, но и попросту опасно. Командование Туркфронтом было заранее готово к такой ситуации и не ожидало ничего иного. В документе, составленном еще до переворота, прямо говорится: «В случае, если при захвате Старой Бухары революционным советом не удастся политически объединить племена, населяющие ханство, то, вероятно, придется выдержать длительную борьбу с племенами, населяющими восточные бекства. Рассчитывать на быстрое приобщение населения к советскому строю, благодаря заботе населения, вряд ли возможно. Поэтому части войск, сосредоточенные в настоящее время в Бухаре, останутся прикомандированные на более или менее продолжительный срок».

Красные войска понадобились очень скоро. Эмира необходимо было уничтожить, не откладывая. И советская Бухара воззвала о помощи к советскому Ташкенту.

Турккомиссия посоветовалась и в начале ноября 1920 года поручила Реввоенсовету Туркестанского фронта создать «Гиссарский экспедиционный отряд» для окончательной ликвидации армии эмира, и «освобождения» Восточной Бухары. В скором времени был создан отряд из более чем тысячи бойцов. Впоследствии число их выросло в несколько раз. Это были войска, подчиненные исключительно командованию Туркфронта и независимые от правительства БНСР. Но и силы «революционной Бухары» приняли участие в походе. В конце декабря в Байсуне к Гиссарской экспедиции присоединился Усманходжа Пулатходжаев, чрезвычайный уполномоченный БНСР по Восточной Бухаре в сопровождении бухарского отряда в 70 сабель под командованием Данияра. Запомните оба имени — они еще встретятся вам...

Гиссарский экспедиционный отряд стремительно прошел всю Восточную Бухару с севера на юг подавляя любое сопротивление. 17 декабря 1920 года выступили из Карши. В первых числах января взят Байсун. С боями продвигаясь вперед, красные вскоре добрались до Гиссара и Душанбе. Отряд состоял в основном из бойцов, прошедших огни и воды гражданской войны. Справиться с плохо вооруженным, необученным и необстреленным ополчением для них не представляло особого труда. Вот описание одного из боев, взятое из воспоминаний участника экспедиции, в ту пору командира взвода 1 Алайского кавалерийского полка А. И. Погребецкого¹:

«Не доходя одного километра до кишлака Сарай, взвод Первушина получил задание охватить кишлак с запада и не дать возможность басмачам под предводительством курбаши Нурулло прорваться в ущелье. 2 взвод Пихолкина шел прямо на кишлак. В 200—250 метрах от него головная застава была обстреляна с восточной стороны кишлака. Взвод быстро развернулся и пошел в конную атаку. Доскакал до мечети, где было сконцентрировано более ста человек басмачей. Атака взвода Пихолкина дала хороший результат: басмачи были окружены с трех сторон и большинство были уничтожены. И один выход был для них — прыгать в большой обрыв, который примыкал к мечети. Куда часть басмачей бросилась, оставляя лошадей и убегая пешком.

Взвод Первушина, заметив, что басмачи прыгают в обрыв, начал их в упор расстреливать. Результат боя показал следующее: Нурулло потерял убитыми 56 человек, остальные раненые и взятые в плен многие».

О скорости движения Гиссарской экспедиции можно судить по датам:

16 февраля 1921 года красные части занимают Денау.

17 февраля занимают Юрчи.

21 февраля — Душанбе. Эмир эвакуируется в Куляб.

23 февраля красные берут Файзабад.

¹ Рукопись воспоминаний Погребецкого передала мне Лидия Петровна Дружина, которая преподавала в Таджикистане русский язык в узбекских классах в сельской школе. Она организовала краеведческий кружок, и в течение многих лет ее ученики собирали немалый материал по истории «гражданской войны» в Таджикистане. В приведенном здесь отрывке из воспоминаний я лишь расставил по-своему знаки препинания.

15 марта — взят Куляб...

Куляб был последним пристанищем эмира на родине, но красные части, войдя в город, уже не застали его здесь.

4 марта 1921 года с небольшой свитой и маленьким воинским отрядом на переправе Чубек последний бухарский эмир сейид Алим-хан пересек воды пограничной реки Пяндж, ставшей для него подобием Ахеронта, ибо покинув бухарский берег законным, хотя и гонимым государем, он вступил на афганскую землю уже бывшим правителем, каковым оставался до конца своих дней.

Алим-хан и его спутники были далеко не единственными беженцами, оказавшимися на той стороне реки. В те годы страну покинули 200 тысяч человек — четвертая часть населения Восточной Бухары. Этот факт замалчивался. Первым о нем поведал в небольшой статье Камол Абдуллаев, который рассказывает, что комиссия по реэмиграции Таджикского ревкома в 1925 году обнаружила на юге республики полностью заброшенные кишлаки. Поля, огороды, бахчи, сады совершенно одичали, заросли сорняками и камышом. Жилые дома и хозяйственные постройки разрушились, дувалы почти сравнялись с землей.

Особенно опустели окрестности военных дорог. «Когда город Гиссар <...> оказался на такой военной дороге, — вспоминает военный историк и военачальник Н. Какурин, — то он постепенно был совершенно покинут жителями <...> и, посетив его в июле месяце 1922 г., я нашел лишь полуразвалившиеся дома и обратившиеся почти в тропические заросли сады. Такая же участь постигла город Сары-Ассия и некоторые другие».

Можно говорить что угодно о событиях тех лет, но никакие слова не скроют того, что жители Восточной Бухары восприняли приход Красной Армии как бедствие. «Освобождение от гнета» заставило их бежать из родных мест куда глаза глядят. Особого выбора у них не было: либо бежать, либо вооружаться, либо смириться. «Освобождали» их грубо и болезненно. Как это происходило рисует записка вице-консула РСФСР в Восточной Бухаре, датированная июлем 1921 года:

«Активные действия особых отделов аресты обыски конфискации и отсылка ценного имущества из Восточной Бухары показывали в глазах населения, что в Бухаре — власть русских, это содействовало национальной агитации басмачества. Военные операции велись с быстрыми переходами частей. взятые пункты за собой не закреплялись. Всякое подавление восставшего населения проводилось исключительно вооруженной силой, что сопровождалось избиением населения, так как оно всегда поголовно примыкало к басмачам. Это влекло за собой увеличение сил басмачества во имя родовой мести. Во время девятимесячного пребывания в Бухаре 1 кавдивизии <...> материальные условия, в которые был поставлен красноармеец, невольно наталкивали его на грабежи, и особый отдел не имел возможности с этим бороться». Различные народности и племена по-своему реагировали на вторжение, что было связано, помимо всего прочего с очень пестрым этническим составом населения Восточной Бухары. И если не представить хотя бы в общем, как расселялись многочисленные племена, народы и народности, то невозможно понять, чем являлось сложное движение, которое красные именовали «контрреволюционным басмачеством».

Взглянем на тамошние места с высоты. Мы увидим гигантские складки земной коры образующие систему горных хребтов, разделенных долинами. Человек может жить в этих относительно широких долинах больших рек, в предгорьях и узких ущельях меж гор. Это три уровня, как бы три этажа, обитания людей. В конце XIX — начале XX века горы в основном были населены таджиками, а речные долины и низкотеррасы — полукочевыми узбеками. В подгорной же полосе и предгорьях эти два народа жили смешанно. Так сложилось сложное динамическое равновесие, в котором народности, живущие в различных экологических нишах, сосуществовали друг с другом. Экологическая ниша определялась, с одной стороны, образом жизни, хозяйственной деятельностью народности или племени, а с другой — положением в иерархии.

На современной карте вы не найдете названия «Восточная Бухара», большая часть ее территории вошла в состав нынешнего Таджикистана. Но еще в прошлом веке эти земли в административных кругах Бухарского ханства назывались Узбекистаном, то есть страной узбеков. Вплоть до второй половины XIX века политическая власть здесь оставалась в руках знати узбекских племен. Они властвовали с тех пор, как в конце

XV — начале XVI века из Дашти-Кипчака — обширных земель, лежащих к востоку от Волги и к северу от Сырдарьи — в Среднюю Азию вторглись кочевники, именовавшиеся собирательным словом «узбек». Оно имело в ту эпоху не этническое, а политическое значение и прилагалось к самым различным тюркским племенем, пришедшим из Дашти-Кипчака, которые поселились на завоеванных землях и поделили их между собой на уделы или юрты. Поделена была и Восточная Бухара. Лишь в конце XIX века бухарским ханам с помощью русских войск удалось полностью подчинить себе здешние края, перекроить территорию по-своему, разделив на бекства, области, и поставить во главе каждой из них свою, назначенную эмиром, администрацию.

Точно так же были превращены в бекства некогда независимые горные княжества, населенные таджиками, — Кулябское, Каратегин, Дарваз... И здесь местных правителей сменили губернаторы из центра. Но и объединенные в одном государстве — Бухарском ханстве — они не считали себя единым народом. Население каждой из областей Восточной Бухары называло себя по имени своей малой родины — княжества, города или даже селения. Жители Кулябского бекства называли себя кулоби, кулябцы. Горцы ущелья Варзоб — варзоби, варзобцы. Люди из Гиссара — хиссарии...

Меж ними всеми существовали сложные отношения, которые не назовешь ни враждой, ни дружбой. Народы и племена Восточной Бухары образовывали подвижную, провинциальную среду. Были группы, которые охотно перенимали соседские обычаи, перемешивались с соседями, беря у них жен и отдавая им своих дочерей. Были и те, кто сами брали жен у чужих, но своих девушек не отдавали. Были и те, кто словно масло с водой, не смешивались с иноплемениками.

Земледельцы и скотоводы, занимая каждый свою экологическую нишу, участвовали в своеобразном разделении труда. Еще в начале XX века между кочевым, полукочевым и оседлым населением наиболее распространенной формой торговли оставался натуральный обмен. Шерсть меняли на зерно, мясо на фрукты, шкуры на хлопчатобумажную пряжу, арбузы на гончарную посуду, соль на уголь. Была и более простая форма приобретения недостающих продуктов: сильные, доминирующие группы отнимали попросту необходимое у слабых соседей.

При всем при том каждый народ и каждое племя держалось особняком. Оттого Красная Армия вошла в Восточную Бухару как штык, вонзенный в груды гальки, где каждый отдельный камешек тверд, но не скрепленный с соседними, не способен сдерживать удар...

Штык вонзился и замер. Красная Армия, промчавшись по Восточной Бухаре, вытеснила эмира за границу и разметала отряды сопротивления, после чего командование сочло, что Гиссарский экспедиционный отряд выполнил свою задачу, и 1 мая 1921 года он перешел в подчинение I Туркестанской кавдивизии с задачами оккупационного характера. Войска были размещены в нескольких опорных пунктах — городах Кулябе, Файзабаде, Душанбе, Байсуне... Сил, чтобы контролировать обстановку на всей территории, у гарнизонов не хватало, но они засели, как заноза, в теле горного края. Они попали в сложное и тяжелое положение. Как сообщал начальник политуправления Туркфронта, части, участвовавшие в Гиссарской экспедиции, находились в состоянии полного разложения, объясняющегося усталостью, болезнями, отсутствием обмундирования и продовольствия.

Особенно туго пришлось с продовольствием. Незадолго до этого в Бухаре прошло совещание, в котором участвовали члены Турккомиссии Я Рудзутак, Я. Петерс и народные назирь БНСР. Они договорились, что снабжать всеми видами продовольствия войсковые части Красной Армии РСФСР, расквартированные на территории Бухарской республики, обязана Бухарская республика. Ранее Назират продовольствия установил в БНСР «продовольственную диктатуру» и провел продразверстку в нескольких, расположенных близ столицы областях. Но о том, чтобы переслать продовольствие в Восточную Бухару или провести продразверстку здесь, на месте, не могло быть и речи — бухарские коммунисты и в центре-то с трудом удерживались у власти лишь при помощи Красной Армии.

Красные гарнизоны в горах Восточной Бухары оказались предоставлены самим себе. Они были вынуждены снабжаться всем за счет местного населения. Денег у снабженцев не было. Брали в долг, оставляя расписки, по сути дела простые бумажки. Разумеется, люди не верили в бумажки, и выбить необходимое у них можно было только силой. Так вокруг гарнизонов возникали мощные очаги напряжения.

Спокойствия не было и в глубине, в местах далеких от зоны действия гарнизонов. Край кипел, как встревоженный улей. Повсюду возникали отряды самообороны. Во главе их стали сильные люди, те, кто имел уже прежде какую-то власть: родовые старейшины, правители областей, потомственные аристократы... В их распоряжении находилась немалая военная сила. У одних — племенная или родовая дружина, в которую входили все молодые мужчины, способные держать оружие. Другие возглавляли на укарию, милицию или ополчение, которое администрация области созывала в случае необходимости — войны или мятежа. Третьи собирали отряды самообороны из молодых односельчан, чтобы защитить свою деревню.

Каждая область попадала в зону влияния одного командира. Нашему современнику это напомним нынешний Афганистан. В Восточной Бухаре действовали: в Балъджуане — Давлатманд-бий, Кулябе — Ашур-тутсабо — Кзылмазаре — Тутайсары, Дангаре — Абдукаюм парвоначи, Локае — Ибрагим-бек, Дарвазе — Ишан Султан, Каратегине — Фузайл Максум, Файзабаде — Гажор-бек, Душанбе — Рахмон-додхо, Гиссаре — Темур-бек.

Единства меж ними не существовало. Маленькое Бухарское ханство после революции оказалось охвачено тем же процессом, что и гигантская Российская империя: ослабла центральная власть, и страна распалась на множество микроскопических «независимых государств». Местные авторитеты, используя свои вооруженные отряды, вели между собой борьбу за власть, за передел сфер влияния. Как и во всякое смутное время, одни из сильных мира сего пытались урвать свой кусок, другие — вопреки всему отстоять законную государственную власть и порядок. Алим-хан в их глазах имел право властвовать; право, освященное религией, его титулом «эмир правоверных». Этого права не было у новоявленного «джадидского» правительства, безбожников, наславших на мусульман армию неверных.

Но «джадиды» гнули свое. Бухарское правительство в июле 1921 года попыталось вступить в мирные переговоры с лидерами восставших. Попытка оказалась успешной, поскольку бухарские коммунисты доказали свое право на власть. Доказательством служили винтовки и пулеметы Красной Армии. Были разгромлены несколько крупных повстанческих отрядов, после чего прибыли большие люди из Бухары — Атовуллох-джа Пулатходжаев и Сурей-эфенди, которые предложили мир повстанцам и объявили амнистию «всем заключенным улемам, муллам, амалдорам, аксакалам и видным лицам Гиссарского и Душанбинского вилайатов».

Мир был заключен. Пулатходжаев легализовал притязания на власть нескольких местных лидеров. Он назначил Давлатманд-бия председателем ревкома в Балъджуане, Ишана Султана — председателем ревкома в Гарме.

Оставалось лишь выполнить главное условие соглашения. Оно гласило: «Чтобы святая Восточная Бухара была свободна от русских войск». Что думало об этом бухарское правительство? У него не было единого мнения. Одни считали, что Красная Армия должна уйти, другие боялись остаться без поддержки и защиты. Что думала об этом сама армия? Как пишет Камол Абдуллаев, «положение «окупантов» не устраивало бойцов и командиров Красной Армии. Наиболее сознательные из них испытывали тягость из-за того, что их используют для борьбы с населением, которое в целом не относилось враждебно к армии... Среди командного состава Турфронта была распространена следующая характеристика: «Так называемое басмаческое движение в Восточной Бухаре, да и вообще в Бухаре — есть народное революционное восстание против гегерешнего правительства, поддерживаемого советским правительством». Результатом был вывод о ненужности защиты «реакционного правительства БНСР от восставшего народа».

Армия решила уйти. Началась подготовка к замене, а затем и выводу гарнизонов. «Уходят — значит слабы», — решили муджахеды. О слабости, по их представлениям, говорил уже само желание вступить в переговоры. К тому же, договориться с кем-то одним вовсе не означало договориться со всеми. Каждый из партизанских командиров отвечал лишь сам за себя. В этом Красная Армия убедилась очень скоро.

В конце сентября огромные толпы окружили Душанбе. Крестьяне с палками, топорами, мотыгами требовали вывода солдат. Для вооруженного пулеметами гарнизона они представляли опасность не большую, чем статисты на оперной сцене, изображающие восставший народ. Но возмущенный и разноголосый хор перекрыли выстрелы, означавшие выход на сцену солистов — конных локайских воинов под предводительством Ибрагим-бека.

Мемуары с петлей на шее

«Совершенно секретно.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА ИБРАГИМ-БЕКА ЧАКАБАЕВА

Сотрудник для особых поручений УУСОВО и ПП ОГПУ в Ср. Азии Дуров 28 июня 1931 года в г. Ташкенте допросил Ибрагим-бека Чакабаева, который на предложенные вопросы показал:

«Мне сорок два года. По национальности узбек-локаец. Я родился в кишлаке Кокташ, расположенном на берегу Кафирниган-дарьи в двенадцати километрах от нынешнего Сталинабада. Происхожу из племени исан-ходжаевцев. Отец мой являлся аксакалом кишлака и родовым главарем кокташских локайцев. В Кокташе было всего 80 домов. Отец имел чины от эмиров бухарских, последний чин его был токсаба, хотя никакой работы, связанной с получением чина, отец не вел. До самой смерти он оставался в Кокташе. Умер отец лет двадцать тому назад.

По имущественному положению отец был зажиточным. Время от времени имел два-три работника. Отец имел четырех жен, от которых было шесть сыновей и шесть дочерей. Все они в разном возрасте умерли. Остался я один, причем являюсь самым младшим».

(Ибрагим-бек — единственный из вождей сопротивления Восточной Бухары, после которого остались записанные на бумаге мемуары. Воспоминания эти носят название «Уголовное дело № 577051 по обвинению Ибрагим-бека в преступлениях, предусмотренных 58 и 60 ст. ст. УК Уз. ССР (58-2, 58-3 УК РСФСР)» и представляют собой протоколы допросов Ибрагим-бека в ОГПУ.

Каково время — таковы и мемуары. Казенный, криминально-процессуальный стиль, который военный переводчик придал повествованию Ибрагима, вполне соответствует жанру. Это воистину мемуары с петлей на шее. До сих пор единственными их читателями были чекисты и несколько советских ученых, которые не процитировали из них ни строчки. Они публикуются впервые.)

«При жизни отца, — продолжает Ибрагим-бек, — я года полтора учился в мактабе, научился немного читать арабский шрифт, но писать (расписаться) не умею. До смерти отца я вел праздный образ жизни, был обеспеченным человеком, время проводил с двумя своими женами, принимал всегда участие в козлодании, устраиваемом локайцами очень часто.

После смерти отца я оказался в затруднительном положении, так как от отца не осталось не только никаких средств, но он в наследство передал большие долги. Все, что у меня было — это пара быков, т. к. меня одолевали кредиторы отца, я вынужден был почти на протяжении десяти лет скрываться, проживая то дома, то уходя куда-нибудь в другие кишлаки, к соплеменникам. Так длилось до прихода в Душанбе бухарского эмира.

Семьей я не был обременен, имел двух жен, обе были бездетны. Теперь я женат на дочери Абдукаюма парвоначи.

С прибытием эмира бухарского я проживал еще в Кокташе, занимался своим небольшим хозяйством. Под напором русских и джадидских войск во главе с Усман-ходжаевым эмир бежал в Афганистан с огромным числом своих приближенных. Я не принимал никакого участия в этой борьбе. С началом военных действий и приходом джадидов вокруг Душанбе стало крайне беспокойно, народ разбегался, ушел и я к бальджуанским локайцам. В окрестностях Бальджуана спокойно пришлось пожить только с месяц.

Вскоре от Ишана Султан-хана — верного слуги эмира бухарского — и Давлятман-бия из Бальджуана к локайцам стали поступать письма и посылались люди, приглашавшие нас, локайцев к участию в борьбе против русских и джадидских войск.

Посланцы говорили, из писем указывалось, что Ишан Султан-хан укрепился в Дарвазе, что Англия, Афганистан и ряд других государств идет войной на русских и бухарских джадидов, что они будут подавлены, что мы, локайцы, должны в этом принять участие.

На этот призыв локайцы откликнулись, организовали ряд отрядов под командованием Каюма парвоначи (мой тесть), Тагайбека, Баратбаба».

Поднявшись на борьбу, локайские муджахеды неожиданно оказались в самом центре событий. Тому было несколько причин.

Земли локайцев — широкие межгорные равнины и невысокие пологие горы — лежали в самом центре Восточной Бухары. Вблизи от северной границы их земель находился Душанбе, городок, где стоял большой красный гарнизон и располагалось оккупационное «правительство» — чрезвычайный уполномоченный Бухарской республики по Восточной Бухаре, консул РСФСР, армейское начальство...

Локайцы же всегда упорно сопротивлялись чужой власти. Потомки воинственно-го кочевого племени, пришедшего с Шейбани-ханом из Дашти-Кипчака, они совсем еще недавно отказывались признать над собой бухарских ханов. Локай продержался как самостоятельная территория до 1873 года. Завоевать его эмирам было не под силу, и только генерал Абрамов покорил эти края, а русское правительство отдало их Бухаре. Из столицы прислали в Локай правителя — бека Махометди. Вскоре его убили. Был убит и следующий наместник — бек Саиди. Локай бунтовал до тех пор, пока эмир не назначил беком одного из локайских старейшин, произведя его в чин бия.

До сих пор локайцы остро ощущают свою особенность и независимость. Большинство из них отказывается признавать свой народ всего лишь одним из узбекских племен.

— Мы не узбеки. Мы особый народ. Локайцы.

Требуют, чтобы так и в паспорте писалось: национальность — локаец. До последнего времени им в этом отказывали — «такой национальности, дескать, нет» и ссылались на науку. Правда, еще несколько лет назад науке давали лимит. В стране должно было насчитываться определенное количество народов. Приписывать «лишние» запрещалось. Но в данном случае дело не в запретах. Сейчас лимит, вроде бы, снят, и тем не менее, этнографы полагают, что в языке, в быту, в одежде и обычаях, одним словом, в этнографии локайцев нет достаточно своеобразия, чтобы считать их не узбеками, а отдельным народом. Тем не менее, локайские патриоты стоят на своем. Я думаю, главное — не набор этнографических признаков, а самоощущение. Коли локайцы считают себя особым народом, то таковыми и являются.

Мужчины этого народа были лучшими наездниками Восточной Бухары. «На крутизнах, где мы спускаемся в поводу, локаец идет карьером», — писал один из красных конников. Сами локайцы сложили поговорку: «Если жить тебе день — заведи коня, если жить тебе два — заведи жену».

Воины и кочевники, они осели на земле. Разводили знаменитых локайских лошадей и сеяли хлеб. Кочевали лишь самые богатые. Древний кочевой образ жизни стал роскошью. Но воинский дух не угас и в оседлых земледельцах, проявляясь в разбое и набегах на соседей. «До революции локайцы зачастую по самому ничтожному поводу нападали на таджиков», — пишет Ф. Ильютко, автор книги «Басмачество в Локае». — «Господствующее положение в Локае занимало самое многочисленное племя Иса-ходжа, имевшее к тому же большие родственные связи со вторым по численности племенем Бадра-оглы. При своем нападении на таджиков все главаря локайских племен подчинялись главе племени Иса-ходжа. Благодаря таким дружным выступлениям, локайцы держали в страхе не только таджиков Локая, но и все племена Восточной Бухары».

Сила их заключалась в сплоченности. Они сохраняли почти нетронутыми древние родовые устои. Род как неразделимый общественный организм, скрепленный единством крови, являлся одновременно и мощной военной организацией. Каждый мужчина, достигший совершеннолетия, независимо от его желания, уже в силу своего рождения, входил в родовую дружину и занимал в ее иерархии то же положение, что и его отец, дед, прадед... В противоположность пословице «солдатами не рождаются» локаец рождался солдатом. В этом смысле локайцы напоминали русское казачество.

Не единожды локайские дружины призывались и на войну, и на подавление мятежей и конфликтов внутри страны. Не стоит думать, что они были особыми «карателями». В феодальной Бухаре каждая община, каждое селение по требованию эмира или правителя области выставляли свое ополчение. Это была государственная повинность, которую локайцы охотно выполняли, ибо подобно казакам видели свой долг в военном служении государству. Это объясняет тот странный, казалось бы, факт, что локайские предводители после революции остались верны эмиру.

Однако то особое положение, которое заняли отряды локайских муджахедов в повстанческом движении Восточной Бухары, объясняется не только их военным опытом и сплоченностью, но, прежде всего, незаурядной личностью их предводителя —

знаменитого Ибрагим-бека, единственного из партизанских вождей, чье имя широко известно за пределами Средней Азии и стало чуть ли не синонимом слова «басмач».

У меня нет сомнений, что именно понятия о верности и чести не позволили Ибрагим-беку отказать от своего изгнанного государя, которому служил в прошлом. Ибрагим, как сообщает таджикский историк Мулло Иркаев, участвовал с отцом по вызову эмира и Гиссарского бека в подавлении народных волнений. (Под народными волнениями может подразумеваться что угодно: мятеж обиженного феодала, борьба между родами или крестьянский бунт.— В. М.), Ибрагиму Чакабаю за его заслуги был присвоен чин караул-беги, полковника, с 1919 года ему было даровано право сбора дохода от мельниц и абджузав¹ и сбора налога с двенадцати дехканских хозяйств.

Это не вполне совпадает с тем, что говорит о себе сам Ибрагим, хотя может быть и так, что пожалованное эмиром та н х о, то есть право брать себе казенный налог, собранный с определенного числа крестьян, не давало ему средства к существованию, достойному его знатности.

Во всяком случае, службу в партизанском отряде он начал с низов.

«Я стал джигитом, аскером в отряде Каюма парвоначи,— рассказывает Ибрагим-бек,— с этих пор и начинается моя карьера, так сказать. Указанные три отряда локайцев участвовали против Джадидов и русских в Кангурте и Аксу. Так продолжалось около месяца-двух.

В это время, очевидно летом 1921 года, Каюм парвоначи заболел и назначил меня своим заместителем по отряду. Вскоре по требованию Ишан Султан-хана и других курбашей отряд локайцев под моим командованием перебросился в Гиссар. Здесь населением я был избран беком и два-три месяца пробыл в Гиссаре, ведя бои с русскими и джадидскими войсками Усманходжаева.

В один из осенних месяцев в Гиссар (кишлак Караманда) прибыл Энвер-паша с 90 аскерами. В беседе Энвер-паша назвал себя турком и заявил, что прибыл помочь мне разгромить джадидов и русских. При Энвере было 6 турецких офицеров, из которых я помню имена только двух: Сами-паша и Хасан-эфенди. Про Энвера я слышал раньше от паломников, что он большой и талантливый военачальник, зять турецкого султана. Не будучи уверен, что я имею дело с настоящим Энвером, я распорядился обезоружить его и всех его людей, заявив Энверу, что, когда я получу соответствующие подтверждения, я готов признать его в качестве повелителя и командующего всеми мусульманскими войсками против русских и джадидов».

Энвер

Это действительно был Энвер.

Слава о нем шла по всей Средней Азии, находившейся тогда, как и сейчас, под мощным обаянием Турции. Но если в наши дни Турция выступает как образец исламской демократии, то в те времена — в девятнадцатом веке и начале двадцатого — она была идеалом исламской монархии. Среди жителей Туркестана, Бухары, Хивы было распространено фантастическое представление о могуществе далеких турецких султанов, которых почитали «халифами всех правоверных», о святости их жизни. Османская империя казалась обителью порядка и справедливости.

Первая мировая война заставила исламский мир смотреть на Турцию с особенным вниманием: вступая в войну, она возвестила о начале джихада против колониальных империй, угнетающих мусульманские народы. Как выразился Джемаль-паша: «Мировая война — вопрос жизни и смерти мусульман».

Сведения о военных действиях достигали самых глухих и отдаленных уголков Средней Азии со скоростью, которая может показаться удивительной при отсутствии газет и регулярной почты. Вспомните, однако, как много людей на Востоке находилось в постоянном передвижении. Паломники. Торговцы. Отходники, ищущие работу в дальних городах. Дервиши. Бродячие артисты. Правительственные чиновники И еще много кто.

С началом войны в Средней Азии появились турецкие дервиши и ишаны, призывавшие к джихаду и рассказывавшие о победах турецкой армии во главе с великим полководцем Энвером, защитником ислама. Хотел бы я увидеть изнутри, каким во-

¹ Водяная крупорушка (тадж.).

ображал себе Энвера простой джуд. Вернее всего — богатырем с черной как смоль бородой, в белоснежной чалме, в шитом золотом халате. (Так выглядел Ибрагим-бек в лучшие свои дни).

Реальный Энвер мало имел общего с этим пышным образом. Был он невысокого роста. Стройный. Тонкий в талии. Закрученные вверх, тщательно подстриженные усы. Широко расставленные горящие глаза. Военная униформа застегнута на все пуговицы. Более всего он походил на байронического героя прошлого столетия. В судьбе его тесно переплелись трагедия и мелодрама, тщеславие и самоотверженность, холодный политический расчет и безрассудство.

Он был первым в нашем столетии фюрером.

Кто такой фюрер?

Нельзя назвать так великих завоевателей и тиранов прошлого вроде Чингиз-хана или Наполеона, хотя они вели за собой громадные массы людей, которые слепо верили им, боготворили и были готовы отдать за них жизнь. Появление фюреров — феномен XX века. Но и в наши дни это не всякий тоталитарный правитель. Не был фюрером даже Сталин.

Фюрер — вождь, который пытается превратить сложный организм индустриального общества в первобытный род, объединенный общей кровью. Он воскрешает древнейшие формы человеческой организации, перекрывая ими общественные институты современности. И вместе с тем фюрер немыслим без индустриального производства, разветвленной системы коммуникаций, мощных средств массовой информации... Его главное отличие — странное сочетание архаической идеи с мощной индустриальной базой. Он действует в точке, где сталкиваются, рождая зловещую энергию, две гигантские волны: одна, наплывающая из далекого прошлого, другая — из футуристического будущего.

Энвер с его мощным харизматическим даром имел, казалось бы, все данные для того, чтобы добиться успеха. Но этого не произошло.

Почему?

Он родился в Стамбуле 22 ноября 1881 года и стал первенцем мелкого чиновника Ахмад-бея и его жены Айши, имевших шестерых детей. Выходцы из Манастыра (Битола) в Македонии, они вскоре переехали на родину. Энвер вернулся в Стамбул уже юношей, поступив в военную академию, которую окончил в декабре 1902 года в чине капитана, и вновь оказался в Македонии, получив назначение в 3 армию.

Его военная карьера началась на партизанской войне в горах. В Македонии, где, кроме турок, жили греки, сербы, болгары, шла непрерывная вооруженная борьба. Славянские и греческие партизанские отряды — четы — сражались за независимость своих народов и одновременно жестоко враждовали между собой. Энвер командовал одним из турецких отрядов, умиривших повстанцев.

Македония была для турецкой офицерской молодежи тем же, чем был Кавказ для русского офицерства в начале XIX века. Школой свободы. Сюда ссылали самых смелых, самых независимых, самых блестящих. Не случайно младотурецкая революция 1908 года была подготовлена не в столичном Стамбуле, а именно в мятежной и бурной провинции. В Македонии возникло несколько тайных союзов, которые к началу революции объединились в «Османское общество единения и прогресса». Целью его, как говорилось в уставе, было спасение родины, находящейся в тяжелом положении, избавление нации от гнета феодализма и восстановление конституции 1876 года, которая обеспечит права всех подданных империи без различия расы и вероисповедания.

Энвер принял в подпольной работе общества деятельное участие. Было проведено несколько террористических акций против наиболее реакционных старших офицеров. Стамбул начал следствие. Пошли аресты. И тогда один из офицеров с отрядом солдат ушел в горы и начал открытую борьбу против правительства.

Энвера вызвали в столицу, якобы для присвоения ему генеральского звания. Ему готовили ловушку. Хотя, возможно, султан хотел привлечь на свою сторону молодого офицера, пользовавшегося большим влиянием среди товарищей. Однако Энвер во главе трехсот федаев скрылся в горах. Волнение охватило всю Македонию. Правительственные войска оказались бессильны против мятежников. К турецким отрядам присоединялись и албанские, македонские, болгарские, греческие четники. Революция совершилась почти без крови. 23 июля во многих городах Македонии младотурецкие комитеты, захватившие власть, сами провозгласили восстановление конституции.

Трудно передать ликование, охватившее Турцию. Младотурки были на вершине славы. Энвер становится народным героем.

Популярность эту трудно объяснить. Ничто еще не выделяло его среди соратников. Кроме, может быть, особого красноречия — страстного, зажигательного.

Умение говорить особым образом, взывая не столько к рассудку слушателей, сколько к их бессознательному, — одно из главных качеств фюрера. Недаром его воздействие на массы сравнивают с гипнотическим внушением. Люди, знавшие Энвера, подчеркивают именно эту сторону его дарования. Один из его соратников, Ниязи, вспоминает: «Энвер-бей, ободрявший и укреплявший нас во время скорби и отчаяния своими пылающими речами и неустанной деятельностью, — человек, подобного которому редко можно встретить».

Прибавьте к этому огромную личную отвагу, неисчерпаемую энергию Энвера. Друзья и близкие сподвижники горячо любили его. «Он производил необыкновенное впечатление», — пишет немецкий генерал Людендорф, человек, немало повидавший на своем веку.

Завладеть массами Энверу, однако, не удалось. Он получил назначение военным атташе в Берлине. Его просто с почетом отослали подальше от Стамбула — простейший прием устранения сильного противника. Однако в судьбе Турции этому назначению было суждено сыграть немалую и даже роковую роль. Еще в Македонии, встречаясь по службе с австрийскими офицерами, Энвер изучил немецкий язык и основы немецкого военного искусства. На всю жизнь он сохранил восхищение германской военной мыслью и практикой. Пост в Берлине дал ему возможность завести знакомства в самых высших военных кругах, в том числе и с кайзером Вильгельмом II.

Несколько раз он покидает Берлин для участия в драматических событиях на родине: подавлении бунта, поднятого оппозицией, в Триполитанской войне, которая, по признанию даже тех, кто относился к Энверу безо всякой симпатии, «окружила его имя ореолом во всем мусульманском мире».

Путь к власти оказался недолгим. Через несколько лет вся власть в Турции сконцентрировалась в руках младотурецкой «тройки» — Талаата, Энвера и Джемала. Энвер стал военным министром.

Эта чисто светская власть еще более возросла и приобрела религиозный оттенок, когда 5 марта 1914 года Энвер женился на Эмине Наджие Султан — племяннице царствующего монарха — и получил право на титул «домода» или «зятя халифа всех мусульман».

Тем временем назревала новая война, пострашнее тех, что вела Турция в последние десятилетия. Война, разрушившая не одну империю, в том числе и Османскую. Энвер сделал практически все, чтобы Турция вступила в войну на стороне Германии. В итоге 2 августа 1914 года был заключен оборонительный союз против России.

Энвер начинает работу над скорейшим вступлением Турции в мировую войну. Многие члены кабинета и генерального штаба настаивали на осторожности, ссылаясь на германское поражение на Марне. Но Энвер свято верил в мощь немецкой военной машины. После недолгой борьбы с осторожными коллегами Энвер-паша решил поставить страну перед свершившимся фактом. Он отдал приказ о наступлении.

По стратегическому плану Энвера, одобренному германскими генштабистами, Турция должна была вести войну на два фронта. На Кавказе против России. На Суэцком канале и в Египте — против Англии.

Для действий против России Турция сосредоточила на Армянском нагорье 3 армию под командованием Гасана Иззет-паши. Основные силы армии сосредоточены в районе Эрзерума. Задача — разгромить русских у Сарыкамыша, а затем наступать для захвата Ардагана и Батума. Потеря Сарыкамыша грозила русским катастрофическими последствиями. Сарыкамышский отряд составлял главные силы русской Кавказской армии. В случае успеха для турок открывалась дорога на Тифлис.

В декабре 1914 года Энвер принял личное командование 3 армией. Ему казалось, что Иззет-паша не способен провести простейшие маневры против русских. Сам он решительно пошел в наступление. Его план — захватить противника в клещи. План, который не принимал в расчет ни местность, ни климат. Стояла лютая зима. Наступление было организовано плохо. Войска двигались по глубоко занесенным снегом горным тропам без должной разведки и связи. Случилось, что турецкие части принимали друг друга за противника и вступали в бой. Голод и холод вывели из строя большую часть 3 армии прежде, чем она достигла русских позиций.

Русским войскам приходилось не легче, чем турецким. Но в жестоких боях они отстояли Сарыкамыш, а затем перешли в наступление, пробиваясь сквозь вражеский огонь и метушие без перерыва по многу дней снежные метели. Турецкие войска были полностью разгромлены. 3 армия оказалась фактически уничтожена. К январю в ней оставалось чуть более двенадцати тысяч человек. Потеряно девять тысяч солдат, из них до тридцати тысяч замерзшими... В итоге операции русская Кавказская армия перенесла военные действия на территорию Турции.

Энвер передал командование оставшимися соединениями 3 армии Хафизу Хакки-паше и вернулся в генеральный штаб в Стамбул. «Никогда больше Энвер не брал личного командования на поле боя», — подводит итог этим событиям один из его биографов.

Тут сказался весь Энвер. Я думаю, что начав военную службу на партизанской войне, он на всю жизнь остался партизаном. Он отличался всюду, где требовалась личная отвага, и терпел неудачи там, где необходим был расчет и анализ. Было в нем рыцарское нежелание заниматься хозяйством. Витязю не пристало возиться на кухне... Хотя Энвера заворожил строгий внешний порядок, царящий в германской армии, внутреннего порядка он, по-видимому, так и не понял, а, может быть, и не хотел понимать. Он не мог смириться с тем, что в индустриальную эпоху война превращается в технологический процесс, где сражение на поле боя — лишь заключительная операция, нечто вроде монтажа или сборки готового изделия, и где не мужество солдат, а организация производства и четкая работа вспомогательных «цехов» и бухгалтерии определяют победителя. Этот образ мысли еще сыграет в его судьбе роковую роль.

Империя для маленького Чингиза

Несколько побед, которые турецкие войска все же одержали в этой войне, не изменили хода событий. Германия и ее союзники медленно, но неотвратно приближались к своему поражению.

И вдруг — отсрочка. Революция в России. Мгновенное распадение Российской империи. Брестский мир. По условиям этого мира Турция забирала себе земли в Закавказье — грузинские провинции Карс и Батум, а также район Ардагана, где жили в основном армяне. Отделившееся от России Закавказье в переговорах участия не принимало. Закавказский комиссариат — нечто вроде тамошнего временного правительства — выразил официальный протест против передачи закавказских земель на основании документа, принятого без его ведома и согласия. Это не помешало Турции завладеть новыми приобретениями, а затем захватить и большую часть Закавказья, где уже образовались три независимых республики — Грузинская, Армянская и Азербайджанская.

Со стороны эти действия казались безрассудными, ибо к тому времени Османская империя, потеряв в боях шестьсот тысяч человек, лишилась огромной части своих владений — Хиджаза, Южной Палестины, большей части Ирака. Османская империя напоминала чудовище с отсеченным чревом, которое продолжает заглатывать все новую и новую добычу. Но в действиях Энвера была своя логика. Он задумал перестройку, перерождение великой империи.

— Какой интерес для нас представляют арабы? — сказал как-то Халил-паша, родной дядя Энвера и близкий его сподвижник. — Оставим англичанам проклятую песчаную пустыню и пойдем в Туркестан: там я создам империю для моего маленького Чингиза.

Чингизом звали его старшего сына. Захват Закавказья был в известной степени «семейным предприятием». Кроме дяди, в нем играл немалую роль Нури-паша, сводный брат Энвера, организатор «Армии ислама» в Азербайджане. Закавказье было лишь стартовой площадкой. Отсюда планировалось движение на Астрахань, далее через степи Казахстана — в Среднюю Азию для объединения всех «турецких народов Востока».

Так мечтал Энвер в то время, когда разваливалась его собственная страна. Война близилась к развязке. Германия и Турция, полуживые, предложили Антанте мир. Союзники отказались — они хотели добить врага.

В Турции достигли предела разногласия в Центральном комитете партии «Единение и прогресс». 7 октября 1918 года комитет большинством голосов вынес решение об отставке правительства, официальным главой которого был Талаат, хотя в годы войны

вся реальная власть сосредоточилась в руках Энвера. На следующий день Талаат-паша и его кабинет ушли в отставку. Не прошло и месяца, корабли союзников с десантными войсками подошли к Стамбулу. В связи с этим ЦК «Единения и прогресса» посоветовал младотурецким лидерам покинуть страну.

Ночью Энвер, Талаат, Джемаль, доктор Назим и еще несколько человек собрались в доме Казима — адъютанта Энвера — на берегу Босфора, чтобы на немецком корабле отправиться в Одессу.

В Стамбуле начался судебный процесс, военный суд вынес заочный смертный приговор Энверу, Джемалю и доктору Назиму. Требовала их выдачи и Антанта.

Побег Энвера нанес чрезвычайный вред его репутации, хотя даже поражение под Сарыкамышем не сказалось на его популярности. Некоторые даже полагают, что все последующие действия Энвера — это попытка обелить себя. Он появился в Германии в разгар революции 1918 года. Бывшим турецким революционерам было не до чужих революций. Старые друзья ничем не могли помочь Энверу. Он принялся заводить новых. Кто надоумил его искать связей с большевиками? Или же он сам, пришел к выводу, что ему не найти сейчас лучшего союзника, чем недавний враг Карл Радек, находившийся в то время в Германии, настойчиво звал Энвера в Москву.

В начале 1920 года Энвер — в Москве. Он не был единственным из зарубежных эмигрантов, кто искал здесь поддержки и помощи. Под крылышком Коминтерна ждали своего часа и учились совершать революции будущие вожди красного Востока — Хо Ши Мин, Лю Шiao-ци, Сэн Катаяма и немало иных. Многих из них ждет слава в будущем. Энвер прибыл в Москву уже в ореоле славы, хотя и сомнительной с точки зрения большевиков. Но что ни говори, военный министр, пусть и бывший, фактически властелин бывшей Османской империи — фигура немаловажная. Энвера принимает Ленин. Он устанавливает контакты с Чичериным. С благословения советских руководителей он создает «Союз исламских революционных обществ», нечто вроде мусульманского интернационала, а также его турецкий филиал — «Партию народных советов».

Энвер казался большевикам ценным союзником. На него очень надеялись как на яростного и непримиримого врага Британии и включили в число делегатов Первого съезда народов Востока, который в конце сентября 1920 года коммунисты собрали в Баку, похоже лишь затем, чтобы заклеить позором Британию и поднять на борьбу с ней угнетенные народы всего мира. От Турции на съезд прибыла кемалистская делегация, возглавляемая Ибрахимом Тали. Энверу пришлось довольствоваться наименованием делегата от революционеров Ливии, Туниса, Алжира и Марокко. Его полная революционная штампов пылая речь увлекла многих, но далеко не всех. Кто-то из зала попытался было возмутиться появлением на съезде столь одиозной фигуры, но председательствующий Зиновьев резко оборвал эти попытки.

Итак, Энвер покался, выразил лояльность и свою готовность идти в коммунистической упряжке и ожидал теперь законного вознаграждения. Многого он не требовал, а надеялся лишь с помощью большевиков вернуться в Турцию, чтобы воевать за ее независимость. Разгромленная и расчлененная Турция была после войны оккупирована английскими, французскими, итальянскими, а позднее и греческими войсками. Они заняли все важнейшие турецкие области: зону проливов, западное побережье Анатолии, включая Измир, южные порты. Киликию... Султанское правительство в Стамбуле полностью подчинялось оккупантам. Провинция начала борьбу. В Анкаре было созвано Великое национальное собрание Турции, избрано новое правительство страны, которое возглавил давний соперник Энвера Мустафа Кемаль-паша, прозванный впоследствии Ататюрком, «отцом турков». В восставшей Анатолии шли бои.

Представьте себе чувства Энвера зная его неукротимое тщеславие и страстную, искреннюю любовь к родине. В голове его кипели сотни планов. Ему нужна была своя армия, для начала хотя бы небольшой отряд. И он нашел решение: просить Москву, чтобы ему разрешили набрать на советской стороне две кавалерийские дивизии из турецких военнопленных и кавказских мусульман, которые под его командованием присоединились бы к движению сопротивления в Анатолии. Энвер рассчитывал, что Советы будут рады поддержать любое выступление против Британии и ее союзников. Он даже не просил оружия. Военное снаряжение он надеялся раздобыть в Берлине, куда и отправился из Баку. Свой план он передал в Москву через Халил-пашу.

Халил-паша оказался в двусмысленном положении слуги двух господ. В Москву он прибыл и с планом Энвера, и с посланием Мустафы Кемалья, который просил у Чичерина оружие. Большевики помогли Кемалю и отвергли план Энвера.

Энвер вернулся в Россию. Видимо, он надеялся переубедить советское руководство. Несколько раз он встречался с Чичериным и турецким послом Али Фуадом. Оба они отговаривали его от участия в движении в Анатолии.

Притворился ли Энвер, что внял уговорам? Или он просто метался от одного грандиозного замысла к другому? Летом 1921 года он вручил московским властям меморандум, в котором описывает свою всемирную революционную организацию.

Путь на родину был для Энвера наглухо заперт. Но вот почудилось ему, что невидимые ворота словно бы стали приоткрываться. Греческая армия начала наступление на Анкару. В случае, если бы Кемаль потерпел поражение, у Энвера появлялась возможность не только вернуться в Анатолию, но и начать новое восхождение к власти. 30 июля он выехал из Москвы в Батуми, где собрались его сподвижники из партии «Единение и прогресс», ожидая возможности войти в Анатолию. Энвера открыто поддержало Трабзонское общество защиты правых. Были у него и сторонники в Анкаре, тайно работавшие на то, чтобы заменить Кемалья Энвером.

Ворота захлопнулись так же внезапно, как приоткрылись. В сентябре Кемаль одержал победу в Сакарье и сильно укрепил свои политические позиции. В ноябре его власть была восстановлена в Трабзоне. Анкара потребовала от Москвы изгнания Энвера из Закавказья, угрожая в противном случае разрывом отношений. Советские власти пригласили Энвера вернуться в Москву.

Но он двинулся на Восток. Его вела великая цель, и для ее осуществления он собирался использовать одновременно и борение Афганистана с Британией, и движение в Бухаре и Туркестане против большевизма. Вместе с тем, его замысел, как считает Гленда Фрезер, автор **большой** работы о басмачестве, был «вызовом Турции точно также как вызовом Англии и России». Она пишет: «Энвер задумал создать «автономный союз всех мусульманских народов от границ Турции до границ Индии — исламский халифат со столицей в Самарканде. В халифат могли бы войти и мусульмане Китайского Туркестана и Афганистана». Однако, взглянув на карту, вы увидите, что земли этого воображаемого халифата населяют по преимуществу тюркские народы, недаром своей будущей столицей Энвер избрал не Бухару, а Самарканд, стольный град Тимура.

В путь он пустился с советским мандатом, сообщив в письме Чичерину, что отправляется в Афганистан. Из Батуми он выехал в Ташкент.

В Ташкенте Энвера с радостью встретили члены «Туркестанского общества национальной независимости», основанного в 1919 году буржуазными националистами. Энвер вступил с ними в тесные сношения, тем более, что в обществе состояло немало турецких офицеров. Но что стоили их либерально-демократические идеалы, их планы государственной независимости в сравнении с его грандиозной целью!..

Все же, я думаю, беседы с туркестанскими подпольщиками повлияли на его ближайшие планы. Он получил свежую и полную информацию о волне сопротивления в Туркестане и Бухаре, о предстоящем выводе Красной Армии из Восточной Бухары. Отказавшись от поездки в Кабул, он решил возглавить повстанцев по эту сторону афганской границы.

Его активно отговаривали. Незадолго до Энвера в Ташкент приехал незаурядный общественный деятель Ахмад Заки-Валидов, или Тоған, который пытался отговорить Энвера оставаться в Туркестане или принимать начало над басмачами, советуя ему вместо того отправиться в Афганистан, где его влияние было бы более ценным. Он приводил доводы, что в Туркестане необходимо нечто большее, чем партизанская война, и что если Энвер отправится в Восточную Бухару организовывать сопротивление, он будет нуждаться в согласии бывшего эмира. Это может усилить разногласия между сторонниками эмира и реформистами. Помимо того, ферганские повстанцы в значительной мере ослаблены, в Туркестане — голод, а русские немало окрепли после окончания мировой войны.

Переубедить Энвера было невозможно.

Сохранился рассказ о его переговорах в Ташкенте. Некто, скрывавшийся под кличкой Кадыр, британский агент и член «Туркестанского общества», сообщает в своем донесении: «Энвер <...> принял решение продолжать путь в Бухару в качестве посланца большевиков, обещая сообщить свое решение позднее. Хотя в то время

секретно обсуждались планы революции в Бухаре, но Энвер сомневался в успехе, в связи с отсутствием достаточного количества оружия и амуниции. Энвер тем не менее решил испытать судьбу и принять участие в восстании, так как большевики подозревали его и действительно издали приказ о его доставке в Москву под охраной».

Приказа на самом деле не было. Только месяц спустя, Оргбюро ЦК РКП(б) директивой от 9 октября 1921 года предложило комиссариату иностранных дел в срочном порядке добиться отозвания Энвера из Бухары. Но Энвер к тому времени успел «отозваться» сам.

В Бухаре его встретили с пышностью, советской и восточной одновременно. Посланца Москвы и зятя халифа всех мусульман чествовали на массовых торжественных митингах и пирах для избранных. Файзулла Ходжаев предложил ему возглавить бухарские вооруженные силы. Но он шел своим путем, стезей одинокого строителя великой империи, и не имел времени, да и не желал участвовать в детских играх маленького марионеточного правительства.

8 ноября 1921 года Энвер с небольшим отрядом турецких офицеров выехал в Восточную Бухару. Тот же английский агент Кадыр передает его слова, сказанные накануне отъезда:

— Совершенно необходимо биться за независимость Туркестана. Тот, кто готов сносить никчемное существование, тот, кто доволен простым наблюдением происходящего, тот, кто боится смерти, которая неизбежно настигнет однажды каждого из нас, достоин лишь проклятия будущих поколений. Но мы, видя перед собой смерть, желаем поднять оружие за свободу, чтобы завоевать для наших потомков жизнь, в которой они не будут знать ни порабощения, ни угнетения.

Джадиды и муджахеды

И все же Энвер совершил ошибку. Ему следовало начать с Кабула и встретиться с двумя эмирами хотя бы затем, чтобы вернуться оттуда в Восточную Бухару с пышной свитой и громкой молвой. Тогда ему не пришлось бы доказывать, что он не самозванец.

Он выехал из Бухары в сопровождении небольшого отряда, состоявшего из турецких офицеров. Заранее были предупреждены свои люди в городах, лежащих на пути — Термезе, Шерабаде, Кабадиане, чтобы сами приготовились к встрече и послали бы гонцов в Вахшскую долину с вестью о прибытии высокого гостя.

Навстречу Энверу выехали со своими отрядами военный назир Шерабадского вилаята бывший турецкий полковник Хасан-эфенди и начальник термезской милиции Усман-эфенди и присоединились к его сопровождению. Однако в глазах провинциальной знати Восточной Бухары эта свита вовсе не была блестящей, ибо состояла не из богатых и родовитых людей, не из эмирских сановников, не из прославленных мулл и ишанов, а из «джадидов».

Приехали в Джиликуль. Энвер остановился в доме знатного туркменского чиновника в ожидании послов из Афганистана и руководителей повстанческих отрядов. Весть о том, что в Джиликуле появился некто, выдающий себя за Энвера, дошла до Ибрагим-бека. Тот послал своих людей — Тугайсары и Ашур-тугсабо с двумя сотнями джигитов разобраться, что за человек.

— Очень важная персона. Зять султана, — убеждали Тугайсары джиликульские чиновники.

Но Тугайсары не пошел приветствовать Энвера. Не таков он был, чтобы идти на поклон бог весть к кому. Его, командира отряда локайских муджахедов, родственника самого Ибрагим-бека, переполняло упрямое деревенское высокомерие, при котором никто и ничто вне собственного мирка не заслуживает уважения. Для него на всем белом свете существовали только два авторитета — святой ишан, его духовный наставник, и племенной вождь.

— Я никого не признаю. Пусть Энвер сдаст нам все оружие, мы там у Ибрагим-бека разберем, кто он, — упрямо твердил Тугайсары.

Сопротивление было бесполезно: локайцев — вдвое больше. Да и не хотел Энвер начинать знакомство с повстанцами Восточной Бухары с вооруженной стычки. Пришлось ехать к Ибрагим-беку.

Они приехали в Кокташ, когда Ибрагим-бек проводил большой военный совет. Собрались около пятисот представителей родовой знати, чиновников, духовных лиц и богачей. Представляю, с каким недоверием локайские авторитеты рассматривали незнакомцев, появившихся под конвоем джигитов. Так и било в глаза, что это кафиры, неверные: форменная военная одежда, бритые лица, у коней подстрижены хвосты и гривы.

Энвер сообщил, кто он. Его речь вызвала у собрания взрыв возмущения:

— Ты кафир, а не зять султана!

— Надо убить их...

Ибрагим приказал арестовать Энвера и его отряд.

Думаю, что в глубине души он не сомневался, что перед ним Энвер. Силу духа, привычную властность, гипнотическое обаяние лидера — все это подделать невозможно. Ибрагим сам был из этой породы и отлично разбирался в людях. Вспомните восточные сказки; приходит к царю нищий и говорит: «Я царевич из такой-то страны», — и царь безо всяких колебаний отдает за него свою дочь, потому что царская порода безошибочно узнается в любом обличье. Ибрагим-бек всего лишь воспользовался двусмысленностью ситуации, чтобы показать свою независимость и власть, хотя его строптивость не зашла столь далеко, чтобы расстрелять Энвера, унижить его или причинить какой-нибудь вред. Он с почетом лишил пришельца свободы передвижения и стал ждать, пока не прибудет из Кабула подтверждение его личности.

Тем временем продолжались события вокруг Душанбе. Взять его штурмом не удалось. Гарнизон предпринял ряд атак, разгромив повстанцев. Крестьяне разбежались, а отряды муджахедов перешли к длительной осаде города. Красное командование решило повременить с полным выводом войск. Из Душанбе вывели уставший гарнизон, а на его место пришли третий и второй батальоны 7 стрелкового полка.

Одновременно в Душанбе приехал председатель ЦИК Бухарской республики Усман Пулатходжаев, недавно назначенный чрезвычайным уполномоченным по борьбе с басмачеством, и консул РСФСР Нагорный. Их сопровождал отряд бухарских войск под командованием заместителя военного назира Али-Риза, турецкого офицера, бывшего в свое время полицмейстером Стамбула.

Сразу же начались стычки между красным и бухарским командованием. Али-Риза, ведавший обмундированием и продовольствием, заботился лишь о своих людях и демонстративно показывал свое нежелание считаться с потребностями красноармейцев. Напряжение нарастало. Видимо, красноармейцы пожаловались своему начальству. В начале декабря поступил приказ командования Туркфронтом — подчинить в оперативном отношении бухарский конный отряд начальнику Душанбинского гарнизона. Али-Риза категорически отказался подчиниться приказу.

Напряжение достигло предела. Отношения зашли в тупик.

8 декабря Али-Риза и Пулатходжаев навестили Энвера. Ибрагим не препятствовал пленному принимать гостей. Долго беседовали. Кто знает, просили ли у него благословения на решительный шаг или сам он подсказал им план действия.

На следующий день Усман Пулатходжаев пригласил на чай всех красных командиров — начальника гарнизона Морозенко, комиссара Мухина и консула Нагорного. «Идут на контакт», — решили командиры. Пришли на прием безо всякой опаски. Нагорный взял с собой жену. Усман Пулатходжаев, окруженный турецкими офицерами, встретил гостей почтительно и приветливо. Постепенно радушие таяло, сменяясь враждебностью, и к десяти часам вечера вместо изысканных любезностей звучали оскорбления. У гостей отобрали оружие и под угрозой расстрела заставили подписать приказ о полном разоружении душанбинского отряда.

Первым, к кому явился Данияр с этим приказом, был командир третьего батальона Гринцевич. Он не поверил приказу, и Данияр доставил его к арестованным командирам. Морозенко и Мухин объяснили, что случилось. Делать нечего — Гринцевич отправился в свой батальон под конвоем солдат Данияра.

О том, что было дальше, рассказывает историк А. Макашов: «Батальон находился на заставе... и не имел никаких сведений об измене. Приход данияровского отряда вместе с Гринцевичем на заставу был встречен красноармейцами с большой радостью. Они полагали, что их хотят сменить и догадались об измене лишь когда были окружены бухарцами, и им было предложено сдать оружие.

Спротивление было бесполезно. Отправив красноармейцев в крепость, Данияр проделал то же самое с другой заставой. Лишь одна рота третьего батальона, поняв,

в чем дело, с оружием ушла в расположение второго батальона. В ту же ночь Данияр хотел разоружить и второй батальон, но Гринцевич уговорил его сделать это утром следующего дня.

Второй батальон, узнав о случившемся, послал радиogramму командованию Турк-фронтом и принял все необходимые меры к круговой обороне. Второй батальон занимал три единственных в Душанбе здания европейского типа, которые были обнесены добротной дуальной стеной. С трех сторон подступы к двору были открытыми и хорошо простреливались. С северной стороны примыкал изреженный фруктовый сад, но и он хорошо простреливался и затруднял атаку конницей.

На рассвете 10 декабря, когда бухарский отряд с Данияром и Гринцевичем во главе подошел ко второму батальону он был уже готов к вооруженному сопротивлению. В дуальной стене были проделаны многочисленные бойницы, из которых грозно выглядывали пулеметы и винтовки. Это привело бухарцев в замешательство, чем удачно воспользовался Гринцевич. Крикнув: «Огонь по изменникам», — он побежал к нашему отряду и принял над ним командование. Бухарцы понесли большие потери, отступили и перешли к осаде.

Бои продолжались несколько дней. Осажденные нанесли противнику немалый урон. Как только раздались первые выстрелы, в опустевший город (почти все жители сразу же разбежались) вошли локайские всадники во главе с Ибрагим-беком. Удобно расположившись, они наблюдали за осадой со стороны. Пулатходжаев попросил Ибрагим-бека помочь атакующим, но помощи так и не получил.

Наконец на третий день осажденный батальон получил по радио сообщение: из Байсуна идет подкрепление. Узнали об этом и бухарцы. В ночь с 12 на 13 декабря Усман Пулатходжаев с бухарским отрядом тайно ушел из Душанбе. Отряды Ибрагим-бека выследили и, напав на них в Каратаге, разбили бухарцев и захватили много трофеев.

В гарнизон пришло письмо:

«Командиру Душанбинского отряда
1921 год 20 декабря

Товарищи!

Мы вас благодарим за то, что вы дрались с джадидами. Я, Ибрагим-бек, хвалю вас за это и жму вашу руку, как другу и товарищу и открываю дорогу на все четыре стороны и еще могу дать фуража <...>. Против вас ничего не имею, будем бить джадидов, которые согнали нашу власть.

Ибрагим».

Очень важно понять, что означало это послание. Недавние бои с войсками Алим-хана не затронули локайские селения, и у локайцев не было оснований мстить красным. Кроме того, Ибрагим не мог не видеть, что Красная Армия, несмотря на все беды, причиненные населению, воюет бескорыстно. Красные не собираются захватывать покоренные земли. Они лишь союзники или наемники джадидов. И вот теперь, когда джаиды предали их, ничто больше не связывает армию с предателями, и она может свободно уйти. Он видел, что виной всему — джаиды, а с ними невозможны ни переговоры, ни примирение.

Кстати, то же отношение испытал на себе Мустафа Чокаев. Когда после разгрома «Кокандской автономии» он бежал из Коканда, его дважды чуть не расстреляли в окрестных селениях. Как только он появлялся в кишлаке, его сразу же арестовывали, вели к главе местных повстанцев.

— Ты кто?

— Мусульманин. — отвечал Чокаев.

Но для деревенского традиционалиста мусульманин — это тот, кто одет как мусульманин. разговаривает и ведет себя как мусульманин, то есть, как он сам, традиционалист. А в Мустафе Чокаеве, будь он даже одет в халат и чалму, сразу был виден джентльмен.

— Ты не мусульманин. Ты непонятно кто...

И ставили его к стене. Как уж удавалось ему убедить их?

Энвер-паша был чужд этому деревенскому миру даже более, чем джаиды.

«Пусть даже ты и не самозванец, но нам не нужен такой Энвер», — нечто вроде этого думалось Ибрагим-беку. Столкновение меж ними и последующая вражда не объяснялась всего лишь борьбой двух честолюбив. Дело было не в зависти или строптивости Ибрагима. Стокнулись не два человека, а два мира. Как ни парадок-

сально, но у Энвера было больше общего с большевиками, чем с Ибрагимом. И Энвер, и большевики строили гигантскую империю — каждый своего, — желая объединить государства и народы одной общей умозрительной идеей. Забавно, что на Востоке они претендовали на одни и те же пространства и в планах очерчивали одну и ту же будущую границу.

«Вскоре <...> ко мне в Кокташ прибыли два делегата: Ахмад-бек — бухарец, и Нурулла — афганец. Оказалось, что первый является представителем бухарского эмира, а второй — посланцем Амануллы, эмира афганского. Они привезли письмо Энверу с приглашением прибыть в Кабул, в этом и состояла их миссия», — рассказывает Ибрагим. (Он умалчивает, что миссия заключалась еще и в том, чтобы хорошо отчитать его самого. Нурулла-хан сурово бранил Ибрагима: «Ты, локайский бродяга, как осмелился лишать свободы великого человека, зятя турецкого султана. Вы хотите, чтобы эмир послал к вам свои боевые полки разгромить ваше разбойничье гнездо».)

«Энвер заявил, что он не поедет, что в Кабуле ему нечего делать, что он пришел для борьбы с русскими. <...> Тут я убедился, что Энвер-паша является неподдельным. <...>

После этого быстро было созвано совещание всех видных курбашей с моим участием от Локая и Ишан Султана от Дарваза, на котором Энвер следующим образом изложил свою программу и намерения.

Он истинный поборник интересов мусульман прибыл бороться за права мусульман, дерзко попранные русскими насильниками; претензий на бухарский престол не предъявляет и как только выгонит русских из Таджикистана и Бухары, призовет Алим-хана снова занять престол. На этом совещании Энвер-паша был провозглашен главнокомандующим всеми басмаческими силами. Я поступил под его подчинение.

Вышеуказанные два представителя Ахмад-бек и Нурулла-хан, также приняли участие в совещании и после провозглашения Энвера главнокомандующим, выехали в Афганистан, получив от него письмо. В письме Энвер писал о своей миссии и поставил вопрос так: если Аманулла действительно защитник мусульман, то он немедленно окажет Энверу-паше помощь в борьбе с русскими».

Смерть Энвера

Еще в конце декабря, когда Ибрагим держал Энвера в плену, консул РСФСР Нагорный приезжал в Кокташ на переговоры. Позже он вспоминал: «В протяжении двух часов я старался убедить собравшихся старейшин в искренности и дружественности намерений РСФСР, о необходимости признания ими правительства БНСР, о невозможности вывода войск до полного успокоения края... Басмачи соглашались в некоторых отношениях со мной, все определенное требовали ухода русских войск из Душанбе, добавляя, что «мы сами сможем договориться с народом и правительством Западной Бухары». К этому старейшины опять добавляли о своем неуклонном намерении восстановления эмира или кого-нибудь из его родственников».

Затем Нагорный обменялся посланиями и с пленным зятем султана. Энвер просил консула передать в Москву ультиматум с требованием «очистить от русских Бухару и Туркестан». Не знаю, как отнеслись к этому ультиматуму в Москве. Вряд ли он особенно встревожил большевиков, потому что, освободившись из плена Энвер никак не давал о себе знать.

Он оставил душанбинский гарнизон в покое, не стал тратить времени на мелкие стычки. Он собирал армию. Он созвал в Кокташ предводителей всех больших и малых партизанских отрядов Восточной Бухары. Все они с радостью встали под его начало и избрали главнокомандующим. Только такой человек, как Энвер, и мог на время объединить их. Все они, кроме Ибрагима, полностью доверились его легендарной военной славе, обаянию его титула. Энвер написал множество воззваний, которые его люди распространяли в народе. Он призывал мусульман к священной войне и обещал им изгнать джадидов и красные войска и построить «мусульманабад», справедливое мусульманское государство...

Дело шло, однако, не совсем так, как представлялось в его пылких мечтах. «Агитация и воззвания Энвер-паши не произвели особого впечатления на широкие массы населения Восточной Бухары, — сообщает Н. Какурин, — только грубой силой можно было принудить его встать в ряды Энвера; особое безучастие выказали таджики, по от-

ношению к которым Энвер-паша вынужден был даже прибегнуть к принудительной мобилизации». Этому сообщению можно верить, Какурин был не только военным историком, но и красным командиром, военачальником, победившим Энвера. Свою историю боевых операций в Бухаре он писал не для пропаганды; в ней он излагал свой опыт войны «в азиатских условиях» и ставил целью дать точнейший анализ всей тогдашней ситуации.

К концу военных приготовлений Мусульманская армия насчитывала десять тысяч бойцов, из них чуть менее половины — вооруженные всадники... Это пестрое, разноплеменное крестьянское войнство Энвер пытался превратить в сплоченную и дисциплинированную регулярную армию. Немалую ее часть составляли люди Ибрагим-бека, и потому, как считает Какурин, Энвер-паша мог распоряжаться вполне свободно в оперативном отношении лишь 2 500—3 000 человек, включая сюда и небольшие афганские отряды, прибывшие к нему в разное время.

Сила собиралась тайно. В городах кипела бурная деятельность, а в центре о ней никто не догадывался. Так ли это? Как бы то ни было, 14 февраля 1922 года гарнизон покинул Душанбе и выступил на Байсун. Вместе с солдатами ушло немало горожан, главным образом, бухарские евреи. Восточная Бухара осталась полностью в руках повстанцев. Управление краем было разделено между «вакилами», то есть «уполномоченными» — начальниками, выбранными из вожаков, отличившихся в восстании 1921 года. Население было обложено тяжелыми налогами и повинностями...

В конце февраля словно поднялся занавес, и перед тремя столицами — Бухарой, Ташкентом и Москвой — предстал во всей своей мощи Энвер во главе Мусульманской армии. Это вызвало переполох. Тут уж речь шла не просто о сохранении советской власти в маленькой Бухарской республике. В стране Советов только-только начал устанавливаться порядок. Совсем еще недавно после ряда восстаний рабочих, «красных» солдат и крестьян в марте 1921 года новое правительство было на пороге того, что его вот-вот скинут; удержалось оно у власти лишь благодаря жесточайшим репрессивным мерам, вводу новых ограничений и отходу от идей военного коммунизма. И вот теперь, когда подавлены крупные очаги сопротивления, — вновь восстание.

Мало того, что Энвер мог объединить все разрозненные силы сопротивления в Бухаре, Хиве, Туркестане. Большевики увидели угрозу и самой РСФСР, ибо «мировая контрреволюция могла через Бухару вновь попытаться найти себе ходы в пределы РСФСР». Их пугало, что сквозь брешь, пробитую Энвером, ворвется сонмище врагов, окруживших страну.

Пожар надо тушить, пока не разгорелось. Началась лихорадочная работа. Менее чем за три недели — с 27 февраля по 18 марта — Политбюро ЦК РКП(б) пять раз обсуждало вопрос о Туркестане и Бухаре.

Прежде всего надо было выяснить, каково истинное положение дел в Средней Азии. Надо было послать людей, которые на месте могли бы во всем разобраться.

В марте в Бухару прибыл известный чекист Петерс, полномочный представитель ВЧК в Туркестане. Срочно вернулся домой Файзулла Ходжаев, которого вызывали было в Москву для поездки в Геную на мирную конференцию...

В апреле в Туркестан и Бухару для изучения обстановки был командирован Орджоникидзе...

В мае в Среднюю Азию прибыл главнокомандующий всеми вооруженными силами РСФСР Каменев, чтобы самолично рассмотреть военную ситуацию...

В июне в Бухару выехал Рудзутак...

Все это время в Бухаре находился Куйбышев, державший руку «на пульсе событий».

На проведение военных операций отпускался аванс в размере 1,5 миллиона довоенных рублей. С севера и юга, запада и востока в Среднюю Азию шли составы с воинскими частями.

На маленькую повстанческую армию Энвера, прячущуюся в горах, большевики обрушили всю мощь подвластной им страны. «Борьба с басмачеством» являлась лишь одним из проявлений красного террора, который захлестнул Россию и выплеснулся в Среднюю Азию. Те же самые люди, что осуществляли террор в России, прибыли сюда, на окраину.

Оценивая врага, главнокомандующий С. Каменев пришел к выводу, что не следует преувеличивать своеобразие политических условий в Средней Азии, а стало быть, «приемы борьбы с бандитами выработанные у нас (т. е. в России — В. М.), без осо-

бых осложнений могут быть перенесены и в Туркестан». Это и определило выбор командующего Бухарской группой войск. На разгром крестьянской армии Энвера был послан человек, имевший большой опыт подавления крестьянских волнений в России — Николай Евгеньевич Какурин. Дворянин, офицер, сражавшийся с первых дней мировой войны в действующей армии, возмущившись заключением «похабного» Брестского мира, он ушел из армии. В РККА записался в начале 1920 года и был направлен в распоряжение штаба 12 армии. Меньше чем за год в боях с белополяками прошел путь от начальника штаба дивизии до командарма и помощника командующего армиями Западного фронта, которым тогда был Тухачевский. В 1921 году вместе с Тухачевским Какурин принимал участие в разгроме антоновского выступления на Тамбовщине. Будучи начальником штаба группы войск, посланных в этот район, он одно время исполнял должность командующего войсками губернии и сам непосредственно возглавлял кавалерийскую группу, усмирявшую восставших. Помощником, а затем преемником Какурина в Восточной Бухаре стал П. А. Павлов, также служивший под началом Тухачевского на Тамбовщине, а до этого участвовавший в ликвидации отрядов Махно.

Ополчению Энвера противостояла регулярная армия, но вся эта могучая сила могла бы увязнуть в горах, распылится, истощить силы в мелких стычках. Ведь предстояла особая война, партизанская. Но победила не столько сила, сколько зоркость. Способность видеть и понимать реальность. Романтику Энверу противостоял реалист Какурин. В его «Истории бухарской операции» описание боевых действий занимает лишь малую часть. Он анализирует географию Восточной Бухары, состав ее населения и отношения между различными племенами и народностями, а главное — описывает свои хозяйственные приготовления: оружие, обмундирование, транспорт, провиант, медикаменты, бухгалтерия... Не упущена ни одна мелочь. Это скорее отчет интенданта, а не военачальника. Но и его замысел военных операций отличался такой же продуманностью и пониманием ситуации.

Ну, а романтик Энвер? «Романтик» — не в похвалу ему. Романтик — это тот, кто не желает видеть, то что есть, а видит то, что желает. Готовясь к войне, он проявил то же самое нежелание считаться с реальностью, что и во все ответственные моменты своей жизни... Он ошибся в главном. «Невзирая на чисто партизанский состав и характер своих отрядов, — отмечает Какурин, — Энвер думал действовать с ними как с регулярными частями, что его в конце концов и погубило».

С ошибки он начал и осуществление своих великих замыслов. Тактическим центром своих действий он избрал Байсун, занятый небольшим красным гарнизоном.

Подойдя с большими силами к городу, начал осаду. Сам он со штабом остановился неподалеку, в кишлаке Кофрун, откуда и предпринял несколько нападений, отбитых красным гарнизоном. Этот маленький городок не имел никакого стратегического значения. Однако, как пишет Какурин, «какое-то непостижимое притяжение к Байсуну прорходит красной нитью через все операции Энвера-пашы».

Разгадку он усматривает в том, что, располагаясь у Байсуна, Мусульманская армия опиралась тылом на районы, населенные локайцами, и те районы, что находились под влиянием Ибрагим-бека. Именно эти места Энвер считал своей главной базой для пополнения войск живой силой и продовольствием.

Огромная ошибка. Роковая... Ибрагим был ненадежной опорой. Он то и дело выходил из подчинения, а то и прямо восставал против Энвера. Единственное, что сдерживало его, — это приказы, которые слал из-за границы Алим-хан. Энвер жаловался эмиру: «Дорогой брат! <...> Локайцы, которые были атакованы в Кулябе, были совершенно разбиты и соединившиеся войска таджиков, катаганцев¹, киргизов и туркменов под командой Даулетман-бея очистили всю округу провинции и разоружили эту страну. Однако я получил письмо от Ибрагима, в котором он говорит, что желает прибыть ко мне, но положение в Бальджуане препятствует ему это сделать. Совершенно ясно, что Ибрагим устроил эти нападения и послал вооруженных людей на помощь к Тугай-Сары — главному вождю. Теперь я уверен, что Ибрагим не придет никогда ко мне в Байсун, а если сумеет, то помешает и войскам прибыть ко мне. Таким образом, я должен быстро покончить с этими локайскими вопросами и грязью. Поэтому прошу Вас прислать ко мне эти 500 человек с некоторым количеством пулеметов. <...> Ваш Энвер».

У Энвера в этой чужой и непонятной ему стране вообще не было опоры, кроме его собственной славы великого и непобедимого г а з и, воина; ведущего газават. Только она

¹ Имеется в виду узбекское племя катаган.

могла собрать под его начало самолюбивых, независимых командиров партизанских отрядов, которых не могло бы объединить ничто иное. Слава это потускнела и поблекла в один миг после сражения под Байсуном.

Какурин долго и тщательно готовился к этому первому столкновению. Он понимал, что для Красной Армии, как и для Энвера, важнее всего не сам результат сражения, а «моральные последствия» — впечатление, которое произведет он в Бухаре, Туркестане и сопредельных странах. Его замысел: приблизиться к противнику, скрывая кавалерию, а когда Энвер ввяжется в бой с пехотой, потеряет возможность маневрировать и быстро отступать, тут же обрушить на него красных конников.

Так все и вышло. Энвера разбили наголову. С этого времени боевые действия свелись к наступлению красных и отступлению Мусульманской армии в глубь Восточной Бухары. Путь в Афганистан был перекрыт: Какурин распределил свои войска на две колонны — одна била Энвера в спину, в то время как другая передвигаясь вдоль границы, оттесняла его от Амударьи.

Энвер и вправду попытался пробиться в Афганистан и послал афганскому военному министру Надир-хану письмо с просьбой пустить его в страну. Афганцы ответили отказом. Более того, афганское правительство выпустило воззвание, в котором предписывало всем своим подданным, воюющим в армии Энвера, вернуться на родину в двадцатидневный срок. К июлю в энверовской армии не осталось ни одного афганского отряда.

Отступая, Энвер оставил Душанбе и двинулся в Куляб. Его армия разваливалась на ходу. Ибрагим уже давно покинул его. Красная Армия с боем выбила Энвера из Куляба, а через три дня из Бальджуана. В начале августа ему удалось собрать около полутора тысяч всадников в окрестностях Бальджуана. Здесь Энвер вступил в свой последний и решительный бой.

День этого сражения был для красноармейцев обычным летним днем. Мусульмане же отмечали праздник один из главных праздников — курбан-байрам, ид аль-кабир, праздник Жертвы. В этот день правоверные, празднично одевшись, проводят общую молитву. Муджахеды и местные жители готовились к торжественному намазу в поместье Давлятманд-бия.

«4 августа утром Энвер и Давлятманд прибыли в резиденцию Давлятманд-бия на намаз, — рассказывает бывший красный конник А. Погребельский, — но населения пришло очень мало, несмотря на то, что духовенство кишлаков сгоняло людей, но безрезультатно.

Комбриг Богданов прибыл в Буймирзо, получил сведения, что в резиденции Давлятманд-бия сосредоточился Энвер с шайкой. Комбриг Богданов с 16 полком из Буймирзо пошел переменным аллюром, к 8 часам он достиг резиденции Давлятманд-бия и с марша пошел в атаку. Энвер, видя, что тут его могут перехватить, стал уходить на правый берег Кызылсу и пошел на северо-восток.

2 эскадрон 16 кавалерийского полка, который шел головным эскадроном, под командованием Лунева, начал преследовать Энвер вышел на дорогу, которая ведет из долины Кызылсу на Чагана, и быстрым темпом стал уходить. Но головной эскадрон с упорством продолжал насаждать. Энвер видя, что оторваться от преследования таким путем невозможно, приказал Чары-асаулу, который прикрывал колонну Энвера, броситься в контратаку и сбить головной эскадрон, а самому после того, как собьет эскадрон, изменить направление, пойти по долине Кызылсу, вверх по течению реки Кызылсу, что Чары и выполнил: сбил эскадрон, а сам пошел вверх по течению по долине Кызылсу. Тут подошла основная часть 16 кавполка и полк начал преследовать Чары-асаула.

Богданов думал что это и есть группировка Энвера.

Энвер в это время оторвался от преследования и пошел на Чагана. Савко со своей группировкой продвигался на Чагана. Выбрался на высотку и решил сделать небольшой привал. Выставил боевую охрану подал команду:

— Слезайте отпустите подпруги и покачайте седла...

И тут услышал беспорядочную стрельбу справа от себя. Тут же подал команду:

— Отставить!.. Садись! Рысью!

Посадила эскадрон проскочил менее двух километров и...

— Вот они молодчики!

Быстро спешил эскадрон из пяти пулеметов Дегтярева и из около ста винтовок, ударил Энверу во фланг.

Получилась каша. Они начали бежать вниз, но группа Савко и там нашла их. В

этом бою Савко нанес Энверу непоправимый урон. На поле боя осталось около четырехсот убитыми и ранеными, в том числе и сам Энвер-паша, который закончил свой поход. Давлатманд-бий был смертельно ранен, и через несколько часов скончался».

Тело Энвера, пробитое пятью пулеметными пулями, было найдено на поле боя и опознано. Бумаги, извлеченные из полевой сумки, снятой с трупа, были коряво переведены и публиковались затем в советской прессе как документы, раскрывшие подлинное лицо «наймата британского империализма». Энвер был похоронен неподалеку от места своей гибели, и могила его доныне остается мазаром, местом поклонения, ибо несостоявшийся фюрер сподобился чести стать шахидом, воином, погибшим за веру, свидетелем Божьим и святым мучеником.

Неизвестные герои

Как их называть?

Принятое у нас наименование «басмач» — и неверно, и несправедливо. Означает оно «налетчик», «грабитель», «разбойник». Это слово-оружие, один из приемов идеологической борьбы. Назвать повстанца басмачом, разбойником — означает заклеить его, «разоблачить» его грабительскую антинародную сущность». Слово получило мощный отрицательный заряд, созданный сотнями книг, статей, кинофильмов. Басмач — это устойчивый образ в нашем сознании, подобный тому, как в речи есть устойчивые обороты.

Были среди повстанцев и грабители. Любое смутное время развязывает руки всякого рода отщепенцам, садистам и психопатам, которым оружие дает власть над мирным, безоружным населением. Но в Средней Азии подобным людям разгуляться было нелегко. Вожди повстанцев не допускали насилия над крестьянами на своих территориях. У Энвера с Ибрагим-беком произошло из-за этого столкновение. Ибрагим наказал джигитов, грабивших население, а Энвер строго отчитал его: «Командующий войсками — я. Как ты смеешь без моего разрешения наказывать наших солдат? Какое тебе дело до поведения войск?»

Слов нет, населению приходилось кормить партизан и снабжать их фуражом. Но точно так же кормилась и Красная Армия, не видя в том грабежа. Как и Красная Армия, повстанцы карали отступников, тех, кто сотрудничал с противником, что следует расценивать не как насилие над населением, а действия законной власти. Таковой считали себя не только повстанческие вожди. «Отношение населения к басмачеству таково, что басмачество считают за власть, приказания эмира считаются обязательными для населения, — сообщал в отчете полномочный представитель ОГПУ при Средазбюро ЦК РКП(б). — Считать, чтобы население поголовно поддерживало басмачество, было бы неправильно, но что оно с ним считается, боится его и поддерживает в большей мере, чем Красную Армию — это так».

Совсем иное дело, если командиром отряда становился садист и психопат. Такие личности известны наперечет. Когда красные захватили курбаши Аман-палвана, прославленного своими зверствами, то несмотря на усиленную охрану его едва удалось спасти от самосуда. Многие дехкане специально приехали из дальних кишлаков, чтобы расправиться с извергом. Бандит просил трибунал приговорить его к расстрелу, но не передавать в руки крестьян. По требованию населения он был расстрелян на площади прилюдно.

Несмотря на различные цели — личная власть, защита веры, восстановление законного правления, охрана своей области и т. п. — за которые боролись повстанцы, все они называли себя «муджахедами» или «гази» — воинами, ведущими «джихад» или «газават», священную войну, поскольку в традиционном обществе любая идея одушевляется и освящается религией. Но нельзя на этом основании считать «басмачество» единым движением. Муджахеды связывали свою судьбу и свои надежды не столько с отвлеченными идеями и целями, сколько с личностью предводителя. Люди шли за человеком, за именем. Записывая народные рассказы в горных районах Таджикистана, я обратил внимание, что мои собеседники никогда не употребляют ни слова «басмач», ни «муджахед». Говорилось обычно, что-то вроде следующего:

— Я был еще совсем маленьким, когда пришел Фузайл...

Или:

— После этого Диловар со сврей армией пошел в Кеврон...

Что вело предводителя?

До сих пор историки демонстрировали нам плоские грубые силуэты «басмачей», напоминающие фанерные мишени для стрельбы, а писатели и артисты выводили напоказ ярко раскрашенных кукол, изображающих злодеев. Туркестанские Хаджи-Мураты еще ждут своего Толстого. Но народ уже сказал о них искреннее сочувственное слово. Сохранились песенки, баллады и рассказы о предводителях муджахедов, в которых переплетаются действительные события и фантазии. Все они представляют немалый интерес для изучения истории повстанческого движения, ибо в них отразился особый склад мыслей, чувств и представлений — особый мир, в котором жил и живет народ и который разделяли с ним партизанские герои. Быть может, историки или филологи займутся в будущем изучением этой области народного творчества, я же сейчас предлагаю вам несколько рассказов. Думаю, они помогут хоть в малой степени понять и характеры партизанских героев, и цели, которые их воодушевляли.

Хомид-бек, командир небольшого отряда, был родом из Матчи, высокогорной области, расположенной в верховьях Зеравшана. Места эти суровые, нелегкие для жизни. Добраться до них можно было только по горным тропам через высокие перевалы, которые зимой заваливал снег, отрезая Матчу от «большой земли» (дорогу проложили лишь в советское время). Характер здешних людей под стать горам — воинственный и независимый. Чуть ниже по течению Зеравшана, соседствуя с Матчой, лежит область Фальгар. О Хомиде мне рассказывали в обеих областях.

Гаффор Домуллоев (кишлак Оббурдон). Матча:

Хомид в юности был вором. Воровал все, что под руку попадется. Он был очень беден. Если, что у кого пропадало, то говорили: «Хомид взял».

Мустафакул Косимов (кишлак Шамтуч). Фальгар:

Он был очень ловок и силен. Смелый. Приходил по ночам к нам в Шамтуч, воровал. Однажды вечером все люди отправились молиться в мечеть. Возле мечети была привязана лошадь с торбой. Тут появился Хомид, сбросил у лошади с головы торбу, вскочил в седло, даже не задев стремян, и ускакал. В это время Хурматулло увидел это и сказал одному:

— Сбегай в мечеть и скажи Мирзосаиду, что кто-то взял его лошадь и ускакал.

После молитвы люди вышли из мечети и пустились вслед за вором. А Хомид не смог справиться с лошадью. Она была едва приучена к верховой езде и полностью еще не обьежена. Сразу же за кишлаком лошадь остановилась и дальше не пошла. Хомид оставил ее и спрятался за скалой. В руках он держал милтик, старинное ружье. И тут он увидел, что по тропе бежит народ из Шамтуча. А когда люди приблизились, чтобы забрать лошадь имама Мирзосаида, то встретили Юсуфходжу, старшего брата Хомида. Люди связали его, и взяв лошадь, удивлялись, куда же девался Хомид. И они стали поносить вора разными матерными словами. В это время из-за скалы появился Хомид и сказал:

— Эй, люди Шамтуча, я всех ваших жен...

И так далее. Затем он спросил:

— Куда вы ведете моего брата?

Прицелился из ружья, но как ни жал на курок, огонь из дула не вылетал — милтик был очень старый и неисправный. А люди, подобравшись к скале, поймали его и связали. Привели обоих в кишлак и заперли в одном доме. Собрались было уходить, но увидели, что у Юсуфходжи руки развязаны. Тогда они избили его и, намочив веревку, вновь связали. В это время оказалось, что Хомид тоже развязан. Спросили:

— Как это так? Мы вас связываем, а вы оказываетесь вновь развязанными?

Хомид ответил:

— Мы безвинны и оттого нам руки сам Бог развязывает.

Ночью люди из Шамтуча приготовили плов и сели есть, но пленникам не дали ни одной тарелки. Они были очень жестокими. Потом они заперли дверь и ушли.

Так прошла ночь. Утром вся община нашего кишлака, — мулло Ахмад, мулло Азиз, мой отец и другие люди — отправились в Оббурдон к Хофиз-хусейну, чтобы пожаловаться на воров. Они побоялись убить пленников, опасаясь матчинского мира¹. Дошли до горы Шолок (это подъем перед входом в Оббурдон) и стали подниматься. Хомид и

¹ Мир — князь, правитель области, подданными которого были Хомид и его брат. Кишлаки Шамтуч и Оббурдон находятся на границе меж Фальгаром и Матчей.

его брат шли впереди, остальные сзади. В это время пленники опять развязали руки, забежали на скалы и принялись сверху бросать в шамтуццев камни, говоря:

— Куда вы нас ведете?

Эти два безоружных человека, собрав около себя кучу камней, пугали людей из Шамтуча, не подпуская их к себе, и те вернулись обратно, не сделав им ничего. Затем Юсуфходжа отправился в Оббурдон, а Хомид ушел в горы.

Гафор Домуллоев:

Потом он исчез. Люди из нашего кишлака видели его в Ура-Тюбе, где он поступил служить в милицию. Прошло несколько времени, и он опять появился в Оббурдоне. Моя мама рассказывала, что когда он приехал, по кишлаку пошли разговоры:

— Видели? Вор Хомид приехал на коне, с солдатами и оружием...

Он привел с собой десять вооруженных джигитов. Ясно, что оружие он достал какой-то хитростью. Как — не знаю, но ясно, что украл. Такая прошла молва, что он хочет воевать против Ахмад-ходжа, который был в это время миром или беком Матчи.

К отряду Хомид присоединилось много местных парней. Мои родители жили недалеко от крепости Ахмад-ходжа. Мама рассказывала, что каждое утро Хомид-бек на площади возле крепости муштровал своих солдат, громко командуя:

— Маршлари-и-и, маршлари-и-и!..

Так, чтобы слышал Ахмад-ходжа. Правитель был очень недоволен. Он думал, что поскольку Хомид родом из Оббурдона, то рано или поздно он, при его хитрости и ловкости, непременно станет матчинским миром. И он принялся каждый вечер угощать Хомид, беседуя с ним:

— Когда сюда придет революция, солдаты будут притеснять народ: женщин изнасилюют, мужчин перебьют... Большое будет несчастье. Вот я вижу, сынок, что ты человек мужественный. Я уверен, что ты сможешь нас всех защитить.

Хомид ему поверил. Про него шел в народе разговор, что он был «чильтанкушем», человеком, убившим чильтана¹. Такого пули не берут...

Хикмат Бободжонов кишлак Вешаб, Фальгар:

Рассказывают о Хомиде, что он был неуязвим. После боя он снимал с себя халат и встряхивал его. И из одежды горохом сыпались пули, отскочившие от тела и застрявшие в ткани.

Мустафакул Косимов:

Брат Хомид был ранен в бою и умер. Хомид попросил мира Ахмад-ходжу дать ему лошадь, чтобы увезти и похоронить его тело. Но Ахмад-ходжа отказал, сказав:

— Вези, как сможешь, я тебе ничего не дам...

У Хомид был среди ходжей друг, который дал ему лошадь, и Хомид повез тело брата, привязав его к седлу. По дороге он остановился, чтобы покормить лошадь. Самому ему есть было нечего, и он незаметно уснул, а когда проснулся перед ним лежала половина лепешки и наган. (Самый близкий его друг, который воевал вместе с Ибрагим-беком, — Каландар — он умер недавно — рассказывал, что, кроме лепешки и револьвера, там был еще и нож) Хомид проснулся, съел лепешку и через полчаса был уже на перевале. Он добрался до Оббурдона и похоронил своего брата.

О том, что случилось с ним под перевалом, он рассказал своему наставнику Махмадшарифу из кишлака Пастигав. Этот человек, Махмадшариф, был очень мудрым, и он сказал Хомиду:

— Все это очень хорошо, что с тобой произошло, жаль только, что лепешка была не целой...

— Почему? — спросил Хомид.

— Потому что ты, сын мой, остановишься на полпути.

Назар Бадиев кишлак Оббурдон, Матча:

Рассказ этот я слышал от мужа сестры моей матери, старого человека, он умер в прошлом году в возрасте девяти лет. Звали его Ходжихон Мусоев. Он рассказывал, что однажды Хомид, когда весь его отряд уснул, встал и пошел в мазар. Мазар этот находится неподалеку от нашего кишлака на правой стороне и называется Мазори Саидходжа. Один из джигитов проснулся и незаметно пошел за ним

¹ Чильтаны — существа в образе людей, обладающие сверхъестественной силой, большим знанием, провидением и скрывающие свое существование от непосвященных. В одном из приведенных ниже рассказов описывается, по-видимому, встреча Хомиды с чильтанами.

В мазаре не было ни души, потому что когда пришла Красная Армия, все люди ушли в горы. Придя на мазар, Хомид зажег светильник, и тут к нему явились шесть человек, одетых во все белое с белыми бородами. Они сели вокруг него, и он рассказал им все, что случилось с ним за прожитый день. Они благословили его, дали наставления, и Хомид ушел. Но тут он заметил, что кто-то крадется позади. Он поймал джигита и сказал ему:

— Теперь ты все видел, но не должен никому об этом рассказывать. Если расскажешь, то с тобой случится такое, что ты и представить не можешь. Плохо будет и тебе, и семи поколениям после тебя.

Умарбек Муродов кишлак Полдорак, Матча:

Он несколько раз подстерегал спящих красноармейцев, отнимал у них оружие, разувал и отпускал:

— Идите туда, откуда пришли.

Гафор Домуллоев:

Хомид был молочным братом моей матери. Я только не знаю точно, кто кормил их в младенчестве — бабушка или мать Хомиды, Раджаб-мох. Раджаб-мох была высокой женщиной с крепкими, как у мужчины, руками. Моя мама постоянно к ней ходила. Однажды она спросила:

— Люди говорят, что Хомид убил чильтана. Правда ли это?

Раджаб-мох ответила:

— Нет, чильтана он не убивал. Но каждую ночь возвращается домой очень поздно. Однажды ночью он проснулся и кричит: «А-а-а-а!!! Неужели захватят наши края? Неужели я не смогу защитить их?» Я сказала: «Хомид, успокойся... Тебе во сне что-то привиделось?» Он кричит: «Русские придут и будут убивать наших людей!» — «Кто тебе это сказал?» — «Ахмад-ходжа» — «Он обманул тебя. Ты еще молод, а я видела у русо и Николая, русских времен Николая. Они бывали в нашем кишлаке, они были добрые, хорошо относились к нашим людям, дружили с ними. Успокойся, успокойся...

Хомиду запали в душу материнские слова. Однажды вечером сидели втроем за пловом в доме правителя: Хомид-бек, сам Ахмад-ходжа и еще один человек, который об этом рассказывал, — имени его я не помню. Принесли блюдо с пловом, Хомид выложил мясо на лепешку, вынул нож и стал нарезать на маленькие кусочки. Ахмад-ходжа, как всегда, твердил:

— Придут русские...

Хомид, не поднимая головы от ножа и мяса, сказал:

— Бек, мы сидим за едой... Не надо сейчас об этом.

Ахмад-ходжа продолжает:

— Русские такие, русские сякие...

Хомид сказал:

— Берите, пожалуйста, плов... Не мешайте нам есть. Я не верю тому, что вы говорите. Я знаю, что русские — добрые, убивают только виноватых, без вины никого не расстреливают.

— Щенок, — закричал Ахмад-ходжа, — ты, наверное, сам связался с русскими...

Помрачнел, замолчал, к плову не притронулся, а Хомид сам съел все блюдо. И Ахмад-ходжа приказал посадить его в зиндон, тюрьму. А на страже поставили аскера, друга Хомиды, звали его, кажется, Мирсаид. Хомид подозревал Мирсаида к окну и сказал:

— Ты мой друг, помоги мне. Не ходи вокруг, а стань возле двери, и не двигайся. Если станешь у двери, убегу через окно, если станешь у окна, убегу через дверь. А ты потом скажешь «Я стоял здесь, а он убежал в другом месте». Сразу тревогу не поднимай, я тебе свистну, а ты подожди полчаса, чтобы я ушел подальше.

Хомид был очень хитрым и ловким. Он прокопал землю под дверью и убежал. Ахмад-ходжа послал на его поимку пять самых сильных и свирепых аскеров. Ночью они остановились в одном месте на ночлег, пришел Хомид и крикнул им в окно:

— Я знаю, что вы пришли ловить меня. У меня в руке граната, если не сдадитесь, я брошу ее в комнату и вас разорвет на куски. Отдайте оружие, и я вас не трону.

Он их обманывал, у него не было никакой гранаты, но они, зная его, удал, поверили:

— Делай, что хочешь, только не убивай нас.

Хомид забрал их оружие, а потом сбрил им всем по полбороды. Половина лица — чистая, гладкая, а половина — бородатая, и так отпустил к правителю. Ахмад-ходже стало обидно.

— Как сделать, чтобы поймать Хомиду? Кто вызовется его застрелить?

Но никто из солдат Ахмад-ходжи не решался на это дело — с Хомидом справиться трудно. Потом вызвался младший брат Ахмад-ходжи — Асрор:

— Я его убью.

Мустафакул Косимов:

Надо сказать, что Хомид был вдовцом. Прежде он по всем обычаям ша-риата сватался к одной девушке и женился на ней. От этой жены у него было два ребенка, но через два года она умерла, и тогда он ушел в кишлак Урмитан. Жители Урмитана очень его уважали и хотели женить на девушке из своего кишлака. Но он сказал:

— Без согласия родителей первой жены, я не могу жениться.

Приехал к родителям, испросил их разрешения, и вернулся в Урмитан, взял эту девушку в жены. В это время правители из Матчи сказали:

— У Хомиды свадьба. Поедем туда, как бы с поздравлениями.

Поехали к нему семь человек во главе с Асрор-ходжей, братом матчинского мира Ахмад-ходжи. Хомиды в то время не было в Урмитане, он уехал в кишлак Ёри. Послали к нему человека сказать, что приехали гости поздравить его. И Хомид вернулся из Ёри с Каландаром, самым близким своим другом и помощником. Снова созвал большой свадебный пир на три дня, устроил козлодрание, надел на гостей новые чапаны. Тогда гости сказали:

— Мы все довольны, пора возвращаться в Оббурдон.

С Хомидом в Урмитане было семь джигитов, семь аскеров приехали с Асрором. Хомид сказал:

— Пусть наши джигиты едут домой, а мы сами проводим гостей. Так будет почетнее.

И джигиты уехали, забрав с собой оружие, а у Хомиды с Каландаром остались только наганы. Они выехали из Урмитана и углубились в ущелье. Каландар проехал вперед, Хомид немного отстал от него, гости следовали за Хомидом. В это время раздался выстрел.

Стих:

Асрор Хомиды убил,
Щит Матчоха разбил.

Матча — привычное для русского слуха название края — звучит по-таджикски как Матчох, где конечное «х» произносится с придыханием, почти беззвучно. В переводе я сохранил его, чтобы создать подобие стихотворного размера подлинника:

Асрор Хомиды парронд.
Парлаи Матчоха парронд.

Это двустипшие знает в Матче и Фальгаре стар и млад.

Мустафакул Косимов:

Каландар рассказывал, что его лошадь рванула вперед, а он оглянулся и увидел, что ноги Хомиды взлетели вверх над седлом, и Хомид упал с коня на землю. Увидя, что он упал, Каландар соскочил с лошади и бросился вверх от тропы, в скалы.

Рассказ Каландара (в пересказе Мустафакула Косимова):

(Мустафакул — человек с редкой памятью, живая летопись здешних мест. Я не сомневаюсь, что рассказы Каландара он запомнил практически дословно.)

Они начали охоту за мной, но пули меня не доставали. Я уже был далеко, когда они стали кричать:

— Эй, Каландар, это пуля красного настигла его. А ты иди сюда.

— Нет, я знаю, это вы сделали. Мусульмане убили мусульманина, вы и меня хотите убить.

Потом они перебросили тело Хомиды животом вниз через седло его коня и уехали. Я поднялся наверх, в кутан — место для овец, коров — увидел там чабана и сказал:

— Я охотник, угости меня.

Чабан накормил меня, а ночью я встал, надел чекмень, сел на лошадь чабана и вернулся в Урмитан. Там встретил меня очень близкий друг и говорит:

— Ты жив? Асрор-хан сказал, что Хомида убили красные.

Я рассказал, как все было. Приехал я в Чорух, ноги все в мозолях, потому что я спускался из Шикатана вниз, а потом поднимался вверх. И ночью увидел, как выезжают люди, а на лошади везут тело Хомида. Я сомневался: «Кто убил Хомида? Может быть, пуля красных». Но тут спрятался в какую-то впадину и услышал, как они говорят:

— Одного мы убили — это хорошо, но надо было и другого убить, — того, толстопузого...

Это они обо мне. Я очень любил Хомида, и хотел выстрелить, но их было пятеро или шестеро, а я один. Я дождался, пока они уйдут далеко. Они были уже в Зосуне, когда я двинулся дальше.

Я пришел в Оббурдон и рассказал, что Асрор-хан расстрелял Хомида. Народ возмущался, говоря:

— Быть такого не может, чтобы хан расстрелял своего курбаши.

Я отвечал, что видел это своими глазами и слышал своими ушами, как они разговаривали. Пришел в дом Хомида, помолился там, а когда вышел оттуда, пришли люди из Дашта и сказали:

— Мир просит тебя к себе.

Когда я пришел к миру, он был один. Он встал, поздоровался со мной и спросил:

— Что случилось? Рассказывай.

Потом мир сказал:

— Ты помнишь наш уговор? Если ты будешь верен мне, то и я буду верен тебе.

Я ответил:

— Бог свидетель, что я не изменил своего отношения к вам, хотя ваши люди убили его.

Мир сказал:

— Очень прошу тебя, больше никогда этого не повторяй, а то потом люди будут говорить о нас: «Они были пирами — старцами-мудрецами, а убили своего ученика».

Я сказал:

— Я повторял эти слова, начиная от Урмитана и кончая Даштам — вот и дошел сюда. Все знают теперь об этом, и я не буду молчать.

К сожалению, я не успел встретиться с одним из героев сопротивления на Дарвазе — Сидик-беком. Он умер несколько лет назад. Этот незаурядный человек после того, как Красная Армия овладела Дарвазом, перешел на афганский берег. Его долго не могли захватить, но в военные дела вмешалась любовь. На советской стороне осталась жена Сидик-бека, и он несколько раз возвращался по ночам к себе домой. Его удалось выследить, когда он пробирался к жене. Несколько солдат схватили его на мосту. Сидик-бек раскидал их, стрел одного в охапку и бросился с ним в Пяндж. На следующий раз красные были осторожнее. Они подождали, пока он войдет в дом и, ворвавшись через некоторое время, взяли его обнаженного и безоружного. Сидик-бека осудили за выступления против советской власти и контрабанду оружия. Когда началась Великая Отечественная война он добровольцем ушел из лагеря на фронт. Вернулся героем со множеством боевых орденов и медалей.

Свои беседы с Сидик-беком пересказывал мне известный таджикский поэт Мумин Каноат, уроженец Дарваза. Его волновал тот же вопрос, что и меня — о причинах восстания:

— Я спрашивал у него: «Почему вы поднялись? Вы же знали, что не победите... На что и на кого вы надеялись? Знали ли вы, что против вас — огромная страна? Вы видели географическую карту? Восставать против такой силы, сражаться с ней — бесполезно». Он ответил: «Когда восстаешь, не глядишь на карту. Мы поднялись, потому что не могли допустить, чтобы Дарваз взяли без боя. Это был вопрос чести». Это действительно так: они восстали из гордости. Большинство дарвазского духовенства было против. Ишан Мулло Гиё запретил им выступать, Максум Садо из Умарака не благословил их, но они выступили...

Надо представить себе и все своеобразие этой горной страны. По сути дела, Дарваз — это система горных ущелий, вытянувшаяся вдоль пограничной реки Пяндж.

Граница эта до революции была весьма условной — дарвазцы, живущие в селениях на этой стороне реки, имели поля на том берегу. До сих пор афганский берег называют «та сторона». Поэтому и война здесь особая. Об этом повествует народный стих:

Страна Дарваз — ущелье меж гор,
для битвы здесь места нет,
Здесь ни у кого ни зелья, ни пуля,
и даже ружьишка нет.
Но из тыла, из горной страны Шугнан
пришел отряд милиса!¹
В топоры и лопаты их встретил народ.
бил их и стар и млад.
И милиса, не в силах терпеть.
ночью бежали назад.

Мумин Каноат пояснил:

— Они действовали всегда по древней тактике ведения войны. За многие столетия все было отработано: где, в каком месте подстерегать врага, где запереть его, где разбить... Обычно, по старым традициям вражеские войска держали в мешке до зимы, а потом по частям разбивали. Они и с греками так воевали. Легкую кавалерию Александра Македонского именно так и разбили. Часть истребили, а часть попала под снежный обвал на перевале Сагирдашт...

Древнюю тактику использовал и один из героев партизанской войны, о котором поется в народной песенке:

У Диловара громкое имя,
Слава о нем — и в городе Рима.

На самом деле, за пределами Дарваза никто о нем и не слыживал, но в родных местах, его помнят до сих пор. Принимал он участие и в осаде Куляба, и в битве в Бальджуане, где был убит Энвер-паша, но в народе рассказывают в основном о его подвигах на родине.

Бачабек Шобеков (кишлак Баравн):

Диловар был мужик здоровый, рыжий. Когда я впервые увидел его, он был перепоясан двумя патронташами крест-накрест...

Аскар Хокимов (кишлак Хумбивари):

Диловар-шох в детстве был очень сильным, зорким и смелым, всех превосходил. Говорят, что его братья имели чины, и однажды отправились в Бухару приветствовать эмира. В это время проводили бузкаши, козлодрание. У одного везира была необъезженная лошадь, с которой никто не мог справиться. Гайрат-шох, старший брат, сказал:

— Если эту лошадь наш Дилак не объездит, то этого никто не сможет.

Позвали маленького Диловара, вывели лошадь. Диловар вскочил на нее и, нахлестывая, помчался по улице. Там бежала большая собака. Диловар на скаку схватил ее за хвост и, размахивая собакой ворвался в круг участников козлодранья. С этого времени лошадь стала очень покладистой.

...Несколько лет назад я работал на ГЭС в кишлаке Коведа, вместе со мной по ночам дежурил старик по имени Банда, который геперь умер. На дежурствах мы с ним часто разговаривали. Покойный Банда рассказывал, что у Диловара была лошадь маленького роста по имени Монгол. На ней он выезжал на гору, откуда его было всем видно, но никто не мог его на этой лошади застрелить. Два человека заряжали для него ружья. Когда ружье накаляется от стрельбы, пули далеко не летят. Как только накалялось одно ружье, Диловар брал другое, холодное.

Бачабек Шобеков:

Целый месяц воевал Диловар-шох в своем шинাকে на тропе возле кишлака Даштак...

Небольшое отступление:

Шинак — это маленькое укрепление, засада, сложенная из камня. Шинак Диловара сохранился до сих пор, а тропа почти исчезла, разрушенная взрывами при прокладке дороги. Приехав на автомобиле, мы поднялись в шинак по обрывистому склону. Засада показалась мне очень древней. Думаю, соорудили ее задолго до Диловара. Три бойницы позволяли контролировать афганский берег и обе стороны тропы, которая вела из Калайхума в Ванч. Сзади шинак прикрывает скала. Спутники сказали, что

¹ Т. е. милиция.

его иногда используют пограничники. Мы нашли в шинке стеклянную ампулу с йодом.

Бачабек Шобеков:

Красная Армия пришла из Калайхума, но дальше идти не смогла, потому что ее не пускал Диловар. Тропа была очень узкой, а возле Даштака надо было идти по оврингу¹. Как только на овринге появлялся солдат — Диловар стрелял. Он был очень метким стрелком. Армия остановилась и дальше идти не могла.

Вместе с Диловаром в шинке сидели несколько человек. У нас в кишлаке резали баранов, пекли лепешки и относили туда, в шинку. Так продолжалось очень долго.

Саидахмад Мирахмадов кишлак Сангевн:

Под оврингом текла река, и когда Диловар застрелил нескольких солдат, их унесла вода. Никто не мог к нему пробиться.

И вдруг все затихло. Люди с той (афганской) стороны сказали:

— Что случилось с гази-мардом, мужем-воителем? Почему не открывает огонь?

Когда пришла ночь, они переплыли реку на салах, надувных бурдюках для переправы, и увидели, что он мертв.

Бачабек Шобеков:

Не знаю точно, кто его застрелил, солдат или командир... Люди рассказывали по-разному. Мой сосед Джамшед, который недавно умер, говорил, что был рядом с Диловар-шохом, когда это случилось. Он говорил, что пуля ударила в скалу, отскочила и попала в Диловара.

Аскар Хокимов:

Рассказывают, что вместе с Диловаром в шинке сидел Имат-шо из Ваңча. Он заряжал для Диловара ружья. И он сказал:

— Надоело мне заряжать ружье...

Взял ружье, приставил к Диловару сзади и выстрелил. Это было на рассвете. Его убили не русские, а Имат-шо.

Три дня тело лежало в шинке. Наконец приплыли люди из Нусая и отвезли его на салах на ту сторону, чтобы похоронить. Покойный Банда видел, как собралось много народа, чтобы совершить джанозу, погребальный обряд, и прочесть поминальную молитву. Положили его тело на ветки тута. И люди стали ссориться. Одни говорили:

— Он воевал и стал шахидом.

Другие спорили:

— Нет, он не шахид.

Вышел вперед один человек, домулло или кази с большой чалмой на голове и, обращаясь к трупу, сказал:

— Эй, Диловар-шох, над тобой спор идет. Если ты стал шахидом, покажи это.

И у Диловара из ран выступила кровь. Но люди продолжали спор. Тогда домулло во второй раз обратился к трупу:

— Диловар, докажи, что ты шахид.

И мертвый Диловар-шох улыбнулся.

Спор прекратился. Объявили его шахидом и похоронили.

Стих:

Диловар, ты славный воин,
Будь судьбой своей доволен.

Народ безмолвствует

— Когда этот парень убил Диловар-шоха, — рассказывал Саид Гадоев из Кеврона, — все кишлаки удивились: «Эхх-а-а!» Все были очень довольны...

— Как довольны? — не понял я. Мне-то казалось, что народ должен был опечалиться смертью своего героя. — Почему?

— Он разве мучил народ? — спросил молодой парень, медбрат из кишлачного медпункта, слушавший нашу беседу.

¹ На Памире и Дарвазе длинный (иногда до сотни метров) мостик над пропастью, сооруженный из веток и жердей, вбитых в отвесную скалу в непроходимых местах, где невозможно проложить тропу.

— Нет,— ответил Саид,— но пока он сидел в шинаке, все дороги были закрыты. Никто ни прийти, ни уйти не мог. Аскеры в одном месте были заперты. Никто не мог двигаться. Когда его убили, дороги быстро открылись. Принесли бревна-жерди, связали их и открыли дорогу. Из Калайхума в Ванч, из Ванча в Калайхум. Дорога на Хорог открылась. С той стороны солдаты пришли, с этой — народ. В стране не стало печали...

Последняя фраза звучит неловко, но я намеренно перевел буквально, чтобы подчеркнуть, как много печали приносили простому крестьянину обе стороны.

Как правило, мирное население уходило в горы при приближении любого большого воинского отряда, если он только не состоял из хорошо знакомых местных людей. Каждая, не принадлежащая к общине группа вооруженных людей, воспринималась, как чужая.

В Фальгаре в кишлаке Вешаб девяностолетняя женщина на мою просьбу рассказать о «басмачах», ответила:

— Я их и не видела. Как только раздавался крик: «Матчинцы идут», мы тотчас убегали в горы...

Крестьянин всегда оказывался меж двух огней. Он вынужден был кормить и «басмачей», и красных. Чтобы выжить, он вынужден был лавировать меж «своими» и «чужими». Это родило наряду с героями сопротивления и героями стойкости, о которых я уже рассказывал, третий скромный и негероический тип народного героя — идеал осторожности и хитрости.

Бухори Давлятов, восьмидесятилетний старик из кишлака Рог рассказывал:

— Когда в 1920 году пришла Красная Армия, умные люди нашей деревни сказали: «Мы не будем сопротивляться, надо их встретить». И мы вышли на другой берег реки встречать их. Вот именно поэтому у нас в Роге никого не убили, а в других местах очень многих убивали... В Поддорака семь-восемь человек убито, а у нас никого, потому что наш народ шел навстречу...

В кишлаке Шамтуч с гордостью рассказывают о мудрости аксакала, деревенского старосты, который в одну ночь ухитрился разместить на ночлег в соседних домах одновременно дозор красноармейцев и маленький отряд муджахедов. Они ночевали чуть ли не через стенку, не подозревая друг о друге. В соседнем кишлаке старейшины оказались менее осмотрительны. Красные выслали разведку, узнать, нет ли в селе басмачей. Им сказали, что никого нет. То ли это был сознательный обман, то ли муджахеды незаметно подошли с другой стороны, но когда красные вошли в кишлак, их встретили выстрелами. Они отступили и ударили по кишлаку из пушки. А затем, войдя в село, не особенно церемонились с жителями. Несколько женщин изнасиловали. Этим и по сей день попрекают неосторожный кишлак. Когда возникает ссора с соседями из-за пограничной земли, старики из «мудрого» селения приводят в качестве довода:

— Все вы выблядки, незаконнорожденные... Эх вы, светловолосые!

Вместе с тем, в кишлаках, где не было оказано прямого сопротивления, людей поражало отношение к ним красноармейцев:

— Советские войска останавливались, резали скот, но они и сами ели, и другим давали есть,— рассказывал Гафор Курбонов из Рога.— Кормили местных жителей. Но в это время была такая неразбериха, что никто не знал, что будет в будущем. Ну, а потом, когда народ убедился, что советская власть очень хорошая, люди забыли обо всем, начали работать...

Не следует забывать, что притеснения и несправедливость были не чем-то исключительным, а нормой жизни в Восточной Бухаре. Недаром свою книгу о Бухарском ханстве, написанную в начале века, Дмитрий Логофет назвал «Страна бесправия», и порядки в этой стране к приходу красных не изменились к лучшему.

«Судопроизводство или отсутствует, или производится в порядке известных традиций,— описывал консул РСФСР, находившийся в Душанбе в 1922 году,— но весьма часто в роли судьи выступает сам бек, применяющий иногда за пустяшные провинности в качестве кары безвозмездную реквизицию имущества виновного или даже телесные наказания, вплоть до лишения жизни. Следует сказать, что самым характерным является то, что население относится к такому социально-правовому порядку как к нечто законному и естественному, несмотря на периодическое проявление врем от времени своего недовольства, в общем целом терпеливо выносит даже грубые нарушения установленного традиционного порядка».

Расправляясь с басмачами, советская власть смело наступала на порядки в крае. Это было своевольное и грубое вторжение в чужую жизнь, в чужие нравы. Но вместе с тем нельзя не видеть, что жизнь эта и нравы были жестокие и несправедливые по отношению к большому числу живущих здесь людей. Могла ли одна несправедливость перекрыть другую? Можно ли преступлениями старого строя оправдывать несовершенства нового?

Средневековый произвол, царивший не только в Бухаре, но и по всей Средней Азии, давал большевикам, по их представлениям, право на вторжение и на установление здесь правильных взаимоотношений. Я убежден, что именно это воодушевляло большинство красных бойцов и командиров. Сознание своей революционной правоты давало им не только силу, но и основание смотреть свысока на повстанцев, охраняющих традиционные общественные устои. «Басмачи исключительно трусливы и их операции исключительно наивны», — утверждал С. Каменев, главнокомандующий вооруженными силами Советов. Постараемся понять, отчего возникло у него это представление.

О боевых качествах повстанцев красные командиры судили, сравнивая их со своими солдатами. Какурин, имевший возможность наблюдать бойцов Мусульманской армии в деле, писал: «Партизаны, легко поддающиеся впечатлению боя <...>, могли быть способны к большому порыву в начале боя, но этот порыв был непродолжительным; артиллерийского огня и решительной смелой атаки кавалерии они не выдерживали».

Красный же боец напротив был стоек, упорен, бился до последнего и умел переносить неимоверные лишения и трудности.

Значит ли это, что крестьянские парни, мобилизованные в Красную Армию из татарских, русских, башкирских деревень, были храбрее и выносливее, чем крестьянские парни из повстанческих отрядов Восточной Бухары? Мало сказать, что красноармейцы прошли суровую школу на фронтах гражданской войны. Они были материалом, прошедшим особую обработку. Один из приказов по Туркестанскому фронту так и начинается: «Для наилучшей утилизации людского материала войсковых частей, учреждений и заведений приказываю...» О том, как обрабатывался этот материал, как из рыхлой неустойчивой мужицкой массы выковывались стальные легионы Рабоче-крестьянской Красной Армии вспоминал один из «кузнецов» — Троцкий:

«Чтобы преодолеть <...> гибельную неустойчивость нам необходимы крепкие заградительные отряды из коммунистов и вообще боевиков, — говорил я Ленину. <...> — Надо заставить сражаться. Если ждать, пока мужик расчихается, пожалуй, поздно будет.

— Конечно, это правильно, — отвечал он, — только опасюсь, что и заградительные отряды не проявят должной твердости. Добёр русский человек, на решительные меры революционного террора его не хватает. Но попытаться необходимо».

Попытались. Заградительные отряды проявили «должную твердость». Троцкий с удовлетворением отметил: «политические отделы рука об руку с заградительными отрядами и трибуналами вправляли костяк в рыхлое тело молодой армии. Перемена не замедлила сказаться». Остается лишь добавить, что в Среднюю Азию прибыл уже перекованный, закаленный и прошедший испытания «материал».

Не подумайте, что пытаюсь с помощью двух цитат и одной метафоры описать всю сложную и долгую историю создания РККА. Я всего лишь хочу показать, в какую мясорубку попадали деревенские пареньки из-под Рязани или Казани, ровесники бухарских муджахедов. Пройдя суровую идеологическую обработку, они оказывались наглухо вмонтированными в стальную машину, становились деталями ее механизма.

Дело не в личных качествах каждого отдельного бойца с той или иной стороны. Столкнулись две разные формы социальной организации — земляная деревенская община и железный государственный механизм.

Наиболее дальновидные вожди повстанцев, такие, как Ибрагим-бек, понимали всю сложность борьбы с этой организованной силой. Они попытались ввести в своих отрядах подобие воинской организации и дисциплины. Об этом сообщает в отчете полномочный представитель ОГПУ в Средазбюро ЦК РКП(б): «За последнее время басмачество переживает некоторый период реорганизации. Отдельные басмаческие шайки объединяются под общим командованием Ибрагим-бека. Командование басмачей стремится придать им характер воинской организации, вплоть до попыток ввести единообразную форму награждения басмачей знаками отаичия эмирских времен».

Безнадежные попытки. Партизанам никогда не сравняться в силе с регулярной армией. «Не поддежит почти никакому сомнению, что даже плохие регулярные части справятся с бандитскими шайками в открытом бою и рассеют их», — писал Н. Какурин, суммируя свой опыт по подавлению крестьянских выступлений в Тамбовской и Витебской губерниях. Но разгромить банду или партизанский отряд — не значит уничтожить. Главное — полностью выбить у противника почву из-под ног, лишить его баз снабжения, поддержки, пусть даже пассивной, местного населения. Успешность борьбы с бандитизмом, подводит итог Какурин, зависит главным образом не от количества употребленных на это дело войск, а от планомерного и организованного втягивания в работу всего местного административного аппарата.

Стальная государственная машина прорастала железными отростками в податливую почву Восточной Бухары. Еще в марте 1922 года бухарское правительство назначило Диктаторскую комиссию из нескольких человек, осуществлявших чисто символический «диктат» в этой беспокойной провинции. Передвигаясь с наступающими частями Красной Армии, комиссия с помощью командиров и политработников создавала в занятых областях местные органы власти — ревкомы и «партийные органы». В июле 1923 года по решению Политбюро ЦК РКП(б) был образован Революционный Военный Совет Восточной Бухары, ставший на некоторое время высшим органом власти. Диктаторской комиссии остались исполнительные функции. Во все органы власти на местах — ревкомы и исполкомы — были введены представители Красной Армии, которые одновременно считались уполномоченными РВС.

Однако при всей внешней податливости населения железный каркас власти приживался нелегко. Пример тому — Локай. В один туманный, то есть волостной, ревком прислали из Бухары председателя, товарища Мирзомахмуда. Но локайцы не желали смириться с тем, что над ними поставлен таджик. Кроме того, они вообще не подчинялись представителям власти, присланным извне. Товарищу Мирзомахмуду скрытно противодействовали не только жители тумена, но и коллеги. По всем делам члены ревкома обращались не к председателю, а к одному из его заместителей, уполномоченному РВС, красному командиру. Так продолжалось до тех пор, пока председателем ревкома не назначили старейшину, пользовавшегося большим авторитетом среди населения Локая.

И все же, как ни удивительно, Восточная Бухара добровольно признала установленную силой новую власть, ибо сила — и есть право. Не право зубов и когтей, а право Божьей воли. Вспомните средневековые «Божьи суды». Спор решался поединком. Тот, кто побеждал, тот и признавался правым, поскольку Бог был на его стороне.

Современному человеку трудно согласиться с этим понятием о праве и справедливости. Но не стали ли они в наше время политическими терминами? Еще вчера (в полном смысле слова, вчера) коммунисты навязывали нам свое представление, и применительно к истории понятие «справедливость» имело карательно-репрессивный оттенок и служило, главным образом, затем, чтобы судить людей из прошлого. Признаем себе, что ни понятия коммунистов, ни понятия «басмачей» о праве и справедливости не совпадают полностью с нашими понятиями и что нам чрезвычайно трудно принять ту или иную сторону.

— Старики говорили, что советскую власть дал Бог, — вспоминал Нусрат Давлатов из кишлака Кеврон. — Слово бы люди видели, что перед Красной Армией идет некий добрый светлый человек — святой ходжа Хызр¹...

Другой очевидец, автор книги «Басмачество в Локае» Ф. Ильютко описывает первое совещание священнослужителей всех локайских племен и всех локайских таджиков: «На повестке дня совещания стоял один вопрос — подвергается ли магометанская религия гонению со стороны советской власти и является ли басмаческое движение защитником ислама. Все участники совещания прибыли в Яван с Коранами... Совещание было настолько оживленным, что затянулось с 8 часов утра до 6 вечера без перерыва даже на обед. Муллы, горячо споря, рылись в Коране и наконец нашли место, в котором говорилось, что если созданная Аллахом власть управляет несправедливо и этим нарушает Аллаховы законы, то под конец долготерпеливый Аллах изгоняет эту власть и создает другую».

¹ Ходжа Хызр — вечно живой старик в образе странника или нищего, помогающий людям в бедах.

Это был один из первых приговоров, вынесенных движению сопротивления. Вскоре подобный же курултай прошел в священной Бухаре, и сто тринадцать духовных лиц скрепили своими подписями и печатями воззвание, которое осуждало повстанцев и призывало население оказывать помощь Красной Армии. Советское командование ввело так называемый «новый курс» — усилило военный нажим и одновременно объявило амнистию повстанцам, которые добровольно сложат оружие. Наименее стойкие муджахеды дрогнули. Сдавались поодиночке и небольшими отрядами во главе с курбаши. Но случилось и так, что всадники спускались с гор, и передний вез на деревянном блюде вместо хлеба и соли голову своего командира.

Ибрагим-бек продолжал борьбу. Его стойкость и верность долгу вызывают глубокое уважение, несмотря на то, что он пытался сохранить несправедливый общественный строй и хранил верность несправедливому правителю. Однако и его силы были на пределе.

«С наступлением весны 1923 года русские войска снова развили наступление по всем направлениям на наши группы, — рассказывает Ибрагим. — Под их напором Барат-бек, Тагай-бек и Усмонкул-бек вынуждены были уйти из Таджикистана, перебросились в Афганистан. Вслед за ними последовали находившиеся в моем подчинении курбаши Алимардон-дождо и Алим-хан. Я в это время находился в окрестностях Душанбе и тоже должен был уйти в горное местечко в Балъджуане — Джаригул.

По прибытии в Джаригул с аскерами числом до двухсот человек я начал размышлять о дальнейшем и пришел к заключению, что с имеющимися у меня аскерами бороться против русских я бессилен. Поэтому я написал в Кабул Аманулле и эмиру Алим-хану письмо, в котором написал о бегстве в Афганистан указанных курбашей, о невозможности дальнейшей борьбы с русскими при наличных силах и поставил вопрос так: если мне будет оказана вооруженная помощь, я буду продолжать борьбу, если же нет, то я также уйду с частью своих людей в Афганистан. Письмо было послано с нарочными, его отвез Каюм, которого теперь уже нет в живых. До получения ответа я отправился в горы Балъджуана.

Ответ был получен летом 1923 года и только от эмира Алим-хана. Письмо он писал следующее: «Аманулла-хан письмо не писал мне, но поручил Алим-хану ответить, что к весне 1924 года он пошлет мне вооруженную поддержку и до того времени надо удержаться в Таджикистане во что бы то ни стало».

Подозреваю, что Алим-хан лукавил. Афганистан отказался от вооруженной поддержки повстанцев еще до разгрома Энвера. Обещанной помощи Ибрагим-бек так и не дождался. Несколько лет он метался со своими отрядами по бывшей Восточной Бухаре, к тому времени уже Таджикистану, то вступая в бои с красными, то спасаясь бегством, и наконец пришел к выводу: «оставаться дальше на бухарской территории бессмысленно, так как для продолжения борьбы не было средств — ни людей, ни достаточного количества боеприпасов... Выход оставался один — перейти в Афганистан».

Летом 1926 года, в первый день праздника курбан-байрам Мулломухаммад Ибрагим-бек, гази, защитник отечества и хранитель народного спокойствия, с пятьюдесятью джигитами перешел границу.

Партизанская война в Восточной Бухаре практически была окончена. Справиться с оставшимися небольшими отрядами для Красной Армии не представляло особого труда.

Перед тем, как окончательно погаснуть, пламя войны дало еще несколько ярких вспышек. В 1927 году Фузайл Максум с двумя десятками человек перешел из Афганистана на таджикский берег, рассчитывая поднять восстание. Но пошли за ним лишь единицы. Тоир Косимов из кишлака Зинг рассказывал мне:

— Наш ишан Шохбuddin говорил Фузайлу: «Фузайл, не воюй против Красной Армии, потому что у тебя нет государства, нет оружия. Как ты можешь воевать с такой большой и сильной властью, у которой есть оружие и снаряжение? Если ты погибнешь в этой войне, то умрешь, как осел. По Корану ты не станешь шахидом. Не надо воевать, потому что у тебя нет власти». Фузайл не послушал ишана и приказал схватить его. Но народ не дал...

Не сговариваясь, люди повторяли один и тот же довод против Фузайла.

— Он говорил: «Мы строим мусульманабад, страну мусульман», — объяснял Хукмихудо Зикров из кишлака Ёгед. — Но откуда у него была одежда, обувь? Он отнял это у людей (Фузайл разгромил в этих местах несколько магазинов и пытался разда-

вать товары населению, что уронило его в общественном мнении.) Он — всего лишь босоногий вор. У него не было ни силы, ни власти.

Пройдя рейдом с небольшим отрядом по горным районам, жестоко расправляясь с советскими активистами, пролив немало крови, Фузайл был разбит Красной Армией и навсегда скрылся за рекой.

Через два года — новое вторжение. Весной 1931 года, как сообщают советские историки, басмаческие банды Ибрагим-бека, обеспеченные денежными средствами, оружием, антисоветскими листовками, начали бандитский налет на Таджикистан. Несколько группировок прорвались на советскую территорию, а главные силы во главе с Ибрагимом, выполнявшим указания своих зарубежных хозяев, перешли границу в районе Чубека и двинулись к Дангаре.

Что же произошло? Почему Ибрагим-бек решился на эту бессмысленную, с самого начала обреченную на неудачу авантюру?

Выбора у него не было. Он был загнан в тупик. Его пребывание в Афганистане оказалось не менее бурным и опасным, чем партизанская война в Восточной Бухаре. Локайцы, бежавшие за рубеж вместе с семьями, женами и детьми, попали из огня в полымя. Они, как и другие эмигранты с советской стороны — туркмены, дурмены, кунграды, — оказались втянуты в борьбу за власть. Ибрагим-бек со своими отрядами был вынужден воевать на стороне Бачи Сакао, одержавшего победу над эмиром Аманулой и вступившего на престол под именем Хабибулла-хана. После недолгого правления Хабибулла-хан был свергнут. Началась расправа над его сторонниками. Здесь нет возможности описать все сложные и запутанные обстоятельства этих событий, заслуживающих отдельного рассказа. Достаточно сказать, что после многочисленных боев, стычек и переселений с места на место Ибрагим-бек убедился, что осталась лишь единственная возможность сберечь своих людей — вернуться на родину. Он двинулся к границе, преследуемый афганскими войсками.

«В день моей переправы, утром я переправился, вечером в Чубеке переправился на советскую сторону семьи эмигрантов в количестве около пяти тысяч, — рассказывает Ибрагим-бек. — Этой переправе предшествовали переговоры с пограничниками в Чубеке. <...> Узнав о нашем желании переправить семьи, командир пограничников приказал сдать оружие. Я приказал все имеющееся у семей оружие — сдать. Что и было выполнено. После этого семьи начали переправляться. На другом берегу я со ста пятьюдесятью джигитами прикрывал переправу от напора афганцев. Вначале у меня был другой план переправы: первым переправляюсь я, затем семьи, потом все остальные, сдаем советской власти оружие и просим разрешить нам заняться мирным трудом. К сожалению, выполнению этого плана помешали афганцы, а затем красные части, которые не давали нам передышки с самого момента переправы, не давая возможности начать переговоры о сдаче. Уже во время моей переправы через Дарью (т. е. через Пяндж — В. М.) между нами и пограничниками завязалась стрельба, но пограничников было мало и они убежали. Это было первое столкновение с красными войсками. Потерь, насколько я знаю, у нас не было».

Ибрагима гравили, как волка. История его последнего похода — это цепь непрерывных стычек с советскими воинскими частями, которые подобно охотникам призвали на помощь загонщиков — так называемых «краснопалочников», плохо вооруженные отряды, созданные из местных жителей. Обложенному со всех сторон Ибрагиму не оставалось ничего иного, как сдаться на милость победителя.

И он с несколькими товарищами пошел навстречу охотникам.

«Под утро мы втроем, т. е. Санд-командир, мулла Рахмат, остановились и пустили лошадей пастись, а сами легли отдыхать, — рассказывает Ибрагим-бек. — Примерно в обед подошли три-четыре красных кавалериста, которые поймали наших лошадей и ушли. В это время лошади были выше нас в горах, а мы внизу. Боясь, что красноармейцев может быть больше, мы себя не обнаруживали и лошадей не отбивали, тем более, что мы были пешими.

Двинувшись уже пешком, так мы к вечеру подошли к реке (Кафирниган — В. М.) против Ишкабада, примерно в 1-1/2 верстах [от него], там я ночевал, а утром увидели на другом берегу реки дехкан из Ходжа-Булбулака, работающих на хлопке. Я подозвал к себе одного дехканина, который переправился на нашу сторону. Я спросил его, кто есть в Булбулаке, на что тот ответил, что там находится делегация из ряда видных лиц, как то: Абдукаюм, Абдуазиз, Юзбай, Абдурашид-бий, из ГПУ Дангары — Куфильд и другие. Кроме делегации, по словам дехканина, там находится еще и Мукум-коман-

дир. Узнав об этом, я сейчас же написал при помощи муллы Рахмата письмо на имя делегации и Мукума о том, что «мы пришли, встречайте, я намерен сдаться».

Дехканин с письмом переправился на ту сторону, и я видел, как затем он вместе с еще одним дехканином отправился в сторону Ходжа-Булбулака. Остальные дехканы в количестве четыре-пять человек достали из Ишкабада упсары (бурдюки) и переправили нас на левый берег Кафирнигана всех сразу. Дехкане, переправившие нас, завели нас всех в кибитки, где мы и остались ждать ответа на письмо. Таким образом пришлось ждать примерно полчаса. Затем из Ходжа-Булбулака приехал Мукум-командир и его помощник Кара-хан и человек четыре-пять из доброотряда. Мы все сидели в это время, а оружие <...> было сложено и приготовлено к сдаче вместе с патронами <...>

Все оружие мы сдали Мукуму, который сказал, что письмо мое он получил, но что разговаривать мы поедem в Ходжа-Булбулак. Мы поехали. По дороге я узнал, что мое письмо делегации не дошло, и Мукум, получив это письмо, велел сообщить делегации, что я нахожусь здесь. <...>

По прибытии в Ходжа-Булбулак мы застали Куфилда из ГПУ Дангары, одного русского командира и Абдуллу-нугая (Валишева). Я написал еще письмо ишану Исакхану и Алимардану с предложением сдаться, и затем меня отправили дальше на Сталинабад».

По постановлению коллегии ОГПУ от 13 апреля 1932 года Мулломухаммад Ибрагим-бек был приговорен к высшей мере наказания, предусмотренной советским законодательством. 31 августа этого же года приговор был приведен в исполнение.

Загадочный жест ишана, бросившего на ветер охапку соломы, с которого я начал повествование, имеет немало толкований. Он мог значить: «Вы рассеетесь, как солома». Можно было понять так: «Ваши враги разлетятся, как сухая трава». Но был в нем и более глубокий, скрытый смысл. Ответ ишана гласил: «Все мы — лишь соломинки, которые несет ветер событий, Божья воля».

Случилось так, что не по Божьей, а по большевистской воле буря событий, бушевавших в нашей стране, разметала соломенную крестьянскую Россию, но не тронула глиняную крестьянскую общину Азии. Размышляя об этом, востоковед Сергей Панарин, исследователь массовых волнений на Востоке, заметил однажды, что в Средней Азии в сталинское время развитие общества происходило несколько иначе, чем в других республиках СССР. Индустриализация и урбанизация занимали подчиненное положение по сравнению с задачей достижения хлопковой независимости. Среднеазиатская деревня нужна была плановикам Центра не как источник некавалифицированной рабочей силы в промышленном строительстве, а в своем традиционном сельскохозяйственном качестве. Не так уж важно, что при этом использовалась та же колхозная форма — все равно драма коллективизации в Средней Азии не была доиграна до российского финала. На плантациях нужны были люди, по самому образу жизни подготовленные к упорному кропотливому труду...

Стальная государственная машина сокрушила обреченное повстанческое воинство, но сберегла крестьянскую общину, и она, как это показывают сложные процессы и события, происходящие сегодня в Средней Азии, жива и ее влияние на общество почти столь же велико, как и в былые дни.
